

Anne Nill's Copy
Of Yevgeniya Taratuta's
Nash Drug, "Our Friend"

(From [Voynichiana](#): documents, images, and
research illuminating the lives of Wilfrid and Ethel Voynich and of Anne M.
Nill, Wilfrid Voynich's assistant and Ethel's life-long companion after
Voynich's death.)

Anne Nill's Copy of Yevgeniya Taratuta's *Nash Drug*, "Our Friend"

In 1957 Yevgenia Taratuta, the future biographer of Ethel Voynich, published a monograph on Ethel's life based on archival research and on correspondence Taratuta had conducted with Ethel in the 1950s. The monograph, entitled *Nash Drug Etel' Lilian Voynich* ("Our Friend Ethel Lilian Voynich"), appeared as a supplement to the literary magazine *Ogonyok*.¹ The copy of *Nash Drug* held by the Beinecke Library of Rare Books and Manuscripts at Yale University and reproduced here contains a small surprise. On its title page (p.4 below) is a note from the author to Ethel's companion, Anne Nill:

Дорогой госпоже Анне Нилл	To dear Miss Anne Nill
с глубоким уважением	with deep respect
и с самыми лучшими	and with best
пожеланиями	[good] wishes
ETaratuta	ETaratuta
22 Ноябрь 1957	22 November 1957
Москва	Moscow

On the inside of the rear cover (p. 28 below) a printed card is tipped in stating that the copy is a gift to Yale University from H.P. Kraus. This copy undoubtedly accompanied the Voynich Manuscript, which Kraus donated to the Library in 1967 along with other material pertaining to Voynich. At the top left of the card a hand-written note suggests that in 1997 the Beinecke removed Taratuta's monograph from the archived Voynich Collection to put on its bookshelves.

One wonders why Taratuta sent a signed copy of *Nash Drug* to Anne. It may be that Anne helped Ethel in her correspondence with Taratuta - Ethel, after all, was in her nineties at the time - which may have put Anne in direct touch with Taratuta. But why didn't Taratuta send a copy to Ethel, who was the subject of the monograph and who read Russian? It seems unlikely that Taratuta would have sent copies to both Ethel and Anne, but if she did, Ethel's has disappeared.

Kraus may have gotten the monograph from Anne when he bought the Voynich Manuscript from her in 1961, shortly before her death. It is also possible that Emma Seilheimer, Anne's sister and executor of her will, presented it to Kraus when winding up Anne's estate (see [Anne M. Nill's Will and her Bequest to the Library of Congress of Ethel Voynich's Unpublished Music](#)).

¹ Translated into English as *Our Friend Lilian Boole/Voynich* by Séamus Ó Coighlinn in 2007 and available on the internet.

What follows is the full Russian text of Yevgenia Taratuta's *Nash Drug*.

БИБЛИОТЕКА

ОГОНЁК

№ 42

1957

**Евгения
ТАРАТУТА**

НАШ ДРУГ

ЭТЕЛЬ ЛИЛИАН ВОЙНИЧ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»
МОСКВА

Евгения ТАРАТУТА

НАШ ДРУГ
ЭТЕЛЬ ЛИЛИАН ВОЙНИЧ

Дорогой Евгений
Лиле Ниле
и с любовью
и с любовью
Людмила
Полеснянская
Эльза
22 ноября 1957
Москва

Издательство «Правда»
Москва, 1957.

Эта книжка в основном составлена из материалов, опубликованных в журнале «Огонек» (№№ 14 и 50 за 1955 г. и №№ 15 и 32 за 1956 г.). Статья «Своя англичаночка» печатается впервые.

Автор продолжает работу над изучением жизни и творчества Э. Л. Войнич и будет очень благодарен читателям за все сведения об использовании «Овода» в революционной пропаганде, а также за любые данные о жизни Э. Л. Войнич. Письма можно посылать по адресу: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24, редакция журнала «Огонек».

На обложке: портрет Э. Л. Войнич. 1944 год. Нью-Йорк.

«КТО ЕСТЬ КТО?»

В декабрьской книжке литературного и научно-популярного журнала «Мир Божий» за 1897 год редакция сообщала читателям о том, что она предполагает напечатать в будущем году. Перечислялись стихи и проза разных авторов и, между прочим, роман «Овод», перевод с английского З. А. Венгеровой.

И действительно, этот роман был напечатан в первых шести книгах журнала, с января по июнь 1898 года. Через год он вышел отдельной книгой и до революции 1917 года издавался больше десяти раз, причем некоторые издания выходили огромными для того времени тиражами в 25 тысяч экземпляров.

В 1905 году рецензент либерального журнала «Русская мысль» отмечает, что роман «быстро проник в широкие круги читающей публики и сделался любимой книгой рабочего. В настоящее время «Овод» не редкость даже в домашней библиотеке крестьян». Множество документов говорит о необычайной популярности романа. В 900-е годы «Овод» широко использовался для революционной пропаганды среди передовых рабочих. Г. М. Кржижановский, Е. Д. Стасова, И. В. Бабушкин, Я. М. Свердлов, И. Т. Фиолетов деятельно распространяли эту книгу. Большую роль сыграл «Овод» в жизни Г. И. Котовского, Н. А. Островского, Зои Космодемьянской и многих других.

За годы Советской власти «Овод» выходил 83 раза на 19 языках тиражом свыше двух с половиной миллионов экземпляров. Инсценировки романа постоянно идут во многих театрах нашей страны. На сюжет «Овода» написаны три оперы. Дважды были поставлены кинофильмы по роману «Овод»: в 1928 и в 1955 годах.

«Овод» и сейчас одна из любимейших книг советской молодежи.

Авторы различных предисловий к роману обычно рассматривают его как чисто историческое произведение и в виде комментария к нему дают очерк истории освободительного движения в Италии 30—40-х годов XIX века.

Однако внимательный читатель может найти в «Оводе» черты, уже знакомые ему по произведениям русской литературы.

Образ самого Овода близко напоминает образы русских революционеров-народовольцев — героев книги Степняка-Кравчинского «Подпольная Россия» — и особенно образ главного героя автобиографического романа того же писателя «Андрей Кожухов». Обоим характеризует фанатическая преданность своему делу, огромное личное мужество, суровое подчинение личных чувств долгу, богатство духовного мира, нравственное превосходство над врагами, оттенок жертвенности при огромной любви к жизни и непоколебимая уверенность в конечной победе своего дела и даже смена страстной юношеской религиозности трезвым атеизмом.

Что это, случайное совпадение?

Чтобы ответить на этот вопрос, надо изучить творческий и жизненный путь писателя, сумевшего с такой силой создать обаятельный образ Овода.

И вот тут мы сталкиваемся с непостижимой загадкой: книг о Войнич нет, нет и статей. У себя на родине она забыта: в огромной Британской Энциклопедии о Э. Л. Войнич нет ни одной строчки; в трудах по истории английской литературы ее имя никогда не упоминается; книги ее не переиздаются.

Да и у нас при всей популярности «Овода» об его авторе еще не так давно в литературных справочниках печатались самые фантастические сведения. Например, в одном утверждалось, что она русская, родилась в Петербурге и эмигрировала в Англию. В другом — что она англичанка, но мать ее — полька. В третьем — что псевдоним свой, «Войнич», она взяла якобы по названию городка в Галиции, откуда родом ее муж. Даже скупые строки о ней в Большой Советской Энциклопедии дают не вполне достоверные сведения.

Можно сказать, что роман «Овод» читают так, как поют любимую песню: не зная, кто ее написал, и не спрашивая об этом.

Наиболее точные сведения о Э. Л. Войнич сообщает английский справочник «Кто есть кто?» («Who's Who?»).

Из этого справочника мы узнаем, что Этель Лилиан Войнич родилась в 1864 году, что она романист и композитор. Отец ее — Джордж Буль, муж — Вильфрид М. Войнич (умер в 1930 году). Окончила она консерваторию в Берлине в 1885 году. Опубликовала книги: «Русский юмор», «Рассказы Гаршина», «Овод» (1897), «Джек Реймонд» (1901), «Оливия Летэм» (1904), «Прерванная дружба» (1910), «Шесть стихотворений Шевченко» (1911), «Письма Шопена», перевод с польского и французского (1931), «Сними обувь твою» (1945) и очень много песен.

В этом же справочнике указан ее адрес в Нью-Йорке.

Слишком кратки эти сведения. Слишком много вопросов вызывают они. Что это за книги — «Русский юмор», «Рассказы

Гаршина», «Шесть стихотворений Шевченко»? Так называются ее работы, или это ее переводы? Да и много других вопросов встает перед исследователем.

Отец ее, Джордж Буль (1815—1864), был крупным английским ученым — философом и математиком. Он положил основу математической символической логики. В его биографии удалось найти краткие сведения о его жене — матери Э. Л. Войнич. Звали ее Мэри Эверест. Она была образованная и культурная женщина. Отец ее был ректором колледжа, а дядя, полковник Эверест, будучи начальником геодезической службы в Индии, первый предпринял работы по изучению и измерению Гималайских гор, высочайшая вершина которых и была названа его именем. Кроме Этель Лилиан, у Д. Буля было еще четыре дочери.

Несмотря на самые тщательные поиски, мы нашли в мемуарной литературе только одно упоминание о Войнич. В своей книге «Минувшее и пережитое» бывший народоволец И. И. Попов вспоминает о своих встречах с Лили Буль в Петербурге в 1882 году. Он живо ее описывает, рассказывает о ее встречах с поэтом П. Ф. Якубовичем, сообщает, что она вернулась в Англию в конце 80-х годов. На основании данных И. И. Попова в библиографическом словаре «Деятели революционного движения в России» была помещена статья об Э. Л. Войнич, приводящая те же сведения.

Воспоминания И. И. Попова вызывают большие сомнения. Как могла она одновременно быть и в Петербурге и в Берлине? Ведь в 1885 году она окончила Берлинскую консерваторию.

Рассказывает И. И. Попов кое-что и о дальнейшей ее судьбе. Жена отправленного в Сибирь народовольца В. А. Караулова (впоследствии он стал ренегатом), в доме которого якобы И. И. Попов встретился с Лили Буль, Прасковья, последовала за мужем в ссылку. «Проездом к мужу, — рассказывает И. И. Попов, — она прожила некоторое время в Иркутске, где вращалась среди ссыльных. Здесь она познакомилась с административно-ссылным провизором Войничем, который решил бежать из ссылки за границу. П. В. Караулова дала ему адрес англичанки, уже уехавшей в Лондон. Войнич благополучно доехал до Лондона, познакомился с Е. Буль, а потом на ней женился».

О Михаиле Вильфриде Войниче нам также известно немного. Из жандармских документов мы узнаем, что родился он 21 октября 1865 года под Ковно (ныне Каунас) в семье титулярного советника, поляка. В 1885 году сдал экзамены при Московском университете и получил звание аптекарского помощника. Активно участвовал в революционном движении. Был членом

польской социально-революционной партии «Пролетариат». Занимался пропагандой, распространял нелегальную литературу, приобретал типографский шрифт, фальшивые паспорта, собирал деньги для революционной работы.

Десятого октября 1885 года двадцатилетний М. Войнич был арестован и привлечен к дознанию по второму делу партии «Пролетариат». После полутора лет заключения в десятом павильоне Александровской цитадели в Варшаве М. Войнич по высочайшему повелению был сослан в Восточную Сибирь сроком на пять лет. Он пытался продолжать революционную деятельность и в ссылке, но из этого ничего не вышло. Летом 1890 года М. Войнич бежал за границу и осенью того же года уже был в Лондоне. Здесь он сразу попал в центр русской эмиграции. В 1891 году М. Войнич был одним из организаторов «Фонда помощи политическим заключенным» и «Фонда Вольной Русской Прессы». Этот «Фонд» был основан для печатания революционной литературы и нелегального ее распространения в России. М. Войнич был главным хранителем книжного склада и, кроме того, ведал организационными делами «Фонда». Сохранились его письма к Г. В. Плеханову и В. И. Засулич, связанные с деятельностью «Фонда».

Главным организатором «Фонда Вольной Русской Прессы» был известный русский революционер-народник, писатель С. М. Степняк-Кравчинский, который еще в 1878 году был вынужден эмигрировать из России. Но и в изгнании Степняк (под этим псевдонимом его знали в Европе) продолжал служить своей родине. Его книга очерков о русских революционерах «Подпольная Россия», написанная в 1881 году на итальянском языке и переведенная почти на все европейские языки, пользовалась огромной популярностью. Он перевел на русский язык роман гарибальдийца Р. Джованьоли «Спартак». Поселившись в 1884 году в Лондоне, Степняк энергично трудился для привлечения общественного мнения Европы к освободительной борьбе русского народа. Он писал книги о современном положении в России, выступал с лекциями и докладами, переводил произведения русских писателей на английский язык. В 1889 году вышел его роман о русских революционерах «Карьера нигилиста». Степняк написал его по-английски, понимая невозможность опубликования такого произведения в России. Его друзья — дочь Маркса Элеонора и ее муж Эдуард Эвелинг, видный английский социалист, — просмотрели рукопись романа перед печатью для исправления погрешностей в стиле. (В русском издании этот роман называется «Андрей Кожухов».)

В 1889 году Степняк организовал «Общество друзей русской свободы», в которое вошли видные английские либеральные

деятели. С середины 1890 года в Лондоне начал выходить печатный орган «Общества» — ежемесячный журнал «Free Russia» («Свободная Россия»), редактируемый Степняком. В нем печатались статьи о политическом и экономическом положении России, публиковались переводы произведений передовых русских писателей.

В доме Степняка встречались политические эмигранты, прогрессивные писатели, художники, музыканты разных стран. Бывал и Ф. Энгельс, который одобрял и поддерживал деятельность Степняка.

Вот в какой среде оказалась Э. Л. Войнич.

Но как это произошло? Как она попала в Россию и когда именно?

Надо сказать, что Прасковья Караулова была родной сестрой жены Степняка — Фанни Марковны Личкус. С кем же Лили Буль познакомилась раньше: со Степняками в Лондоне или с Карауловыми в Петербурге? Степняк поселился в Лондоне только в 1884 году, а, если верить Попову, Лили уже в 1882 году была в Петербурге...

Как же это было на самом деле? И мы начали поиски.

«СВОЯ АНГЛИЧАНОЧКА»

Анализируя произведения Э. Л. Войнич, мы предположили близость ее творчества с творчеством С. М. Степняка-Кравчинского. Кроме того, зная, что ее муж М. Войнич сотрудничал со Степняком, можно было предположить и их личное знакомство.

В высшей степени интересен факт, что обе книги, упоминаемые в английском справочнике, — «Рассказы Гаршина» (1893) и «Русский юмор» (1895) — вышли с предисловиями Степняка. Эти книги оказались сборниками произведений русских писателей, переведенных на английский язык Э. Л. Войнич. А среди произведений Гоголя, Щедрина, Достоевского, Н. и Г. Успенских и других в сборнике «Русский юмор» помещен перевод одной пропагандистской сказки Степняка — «Сказка о копейке».

Кроме того, в сборнике «Нигилизм как он есть», выпущенном в 1894 году «Обществом друзей русской свободы» для разъяснения его целей и задач, две политические статьи Степняка были переведены на английский язык Э. Л. Войнич.

Конечно, все это не могло быть случайным! Но прямых данных о связях Э. Л. Войнич со Степняком у нас еще не было.

Никаких воспоминаний Степняка не осталось. Он погиб внезапно, попав под поезд, в расцвете сил, поглощенный активной деятельностью, когда у него не было ни времени, ни желания заниматься мемуарами.

Необходимо было обратиться к архивным документам. Многочисленные рукописи и обширная переписка Степняка были приобретены в свое время у его вдовы Институтом марксизма-ленинизма, а сейчас хранятся в Центральном государственном архиве литературы и искусства.

Мы были уверены, что найдем в этом архиве письма Э. Л. Войнич и другие документы, которые прояснят многое в ее жизни, раскроют нам подробности ее участия в русском революционном движении.

К великому сожалению, ни одного письма Э. Л. Войнич в этом архиве найти не удалось... Но множество документов подтверждает их близкое знакомство, свидетельствует о тесных ее связях с русскими революционерами.

В стареньких записных книжках Степняка среди адресов различных английских писателей и общественных деятелей записан адрес мисс Э. Буль.

Сохранились и письма матери Э. Л. Войнич, Мэри Буль, адресованные Степняку.

Первое из них датировано 25 марта 1886 года. Мэри Буль выражает желание познакомиться со Степняком, обращается к нему запросто, без всяких рекомендаций, и приглашает к себе. Два следующих письма датированы 12 и 18 апреля 1892 года. Официальное обращение «Сэр» сменилось дружеским «Дорогой Степняк». Это небольшие записочки. В одной — согласие встретиться в ближайшие дни, а в другой идет речь о какой-то статье, связанной с русскими политическими эмигрантами. «Я рада помочь вашему делу своими робкими силами», — пишет Мэри Буль Степняку.

В письме от 20 января 1893 года мы впервые находим упоминание о писательнице. Мать ее пишет: «Дорогой Степняк! Этель сказала мне, что вы хотели узнать ботаническое название черемши. Я старалась узнать у работников ботанического сада, и хотя они были очень предупредительны и добры, но им не удалось его найти». Далее она высказывает интерес по поводу лекарственных свойств этого растения и обещает продолжить разыскания. Очевидно, Степняку понадобилось где-то упомянуть это растение — род дикого чеснока, растущего в Сибири. — которое местное население и ссыльные употребляли против цинги.

На основе этого письма мы уже можем утверждать, что Степняк был близко знаком и с Этель Лилиан Войнич и с ее матерью.

Последнее из имеющихся в архиве писем Мэри Буль — без даты и адресовано жене Степняка. В нем Мэри Буль выражает свое горячее сочувствие по поводу внезапной гибели Степняка (он погиб 23 декабря 1895 года): «Только что узнали о Вашей потере, — нашей потере, потере для всех, кто его знал...»

Имеются в архиве и два письма М. Войнич к Степняку, но они не содержат никаких сведений об Э. Л. Войнич.

К счастью, в этом архиве, что обычно редко бывает, имеется много писем самого Степняка. Жена после его смерти собирала их у друзей.

Особенно много писем Степняка, адресованных его близкой приятельнице — Анне Михайловне Эпштейн. Они были знакомы еще с молодых лет: А. М. Эпштейн входила в кружок «чайковцев». Ей часто приходилось уезжать из России, а с 1887 года она была вынуждена стать эмигранткой. Незадолго до гибели Степняка А. М. Эпштейн скончалась в Вене от рака.

Степняк писал ей часто, — очевидно, сохранились далеко не все его письма. Чудом можно считать, что при такой кочевой жизни сохранились и эти.

И вот среди этих писем мы находим длинное письмо, полное перечислений всяких бедствий: особенно плохо с деньгами, еще только осенью выйдет из печати «Карьера нигилиста», а пока денег нет ни копейки. Оно написано из Лондона 2 июня, год не обозначен, но так как мы знаем, что «Карьера нигилиста» появилась осенью 1889 года, то ясно, что это письмо написано 2 июня 1889 года.

Читаем дальше в этом письме:

«...Мы ждем со дня на день приезда Саши (Фаниной сестры), которую везет нам в кредит одна милейшая англичаночка, очень подружившаяся с Фаниными обеими сестрами. Мы ее здесь русскому языку обучили и направили потом в Петербург к Личкусам всех колен. Она музыканша и давала там уроки. Пашетка едет с Карауловым в Сибирь. Его выпустили из Шлюсбургской крепости. Но где поместят в Сибири — неизвестно. Мы надеемся кучу новостей общественного и семейного разряда получить от своей англичаночки, когда она приедет. Напишем тогда паки».

В этом письме уже все понятно. Саша — это Александра Марковна Личкус — сестра Фанни Марковны Степняк, девичья фамилия которой — Личкус. Пашетка — другая ее сестра, Прасковья Васильевна Караулова (выходя замуж за русского, она,

по тогдашним законам, должна была креститься и изменить имя и отчество).

«Одна милейшая англичаночка» — это, конечно, она, Лили Буль. Все, что мы знали о ней, совпадает с сообщением Степняка: и то, что она музыкантша, и то, что дружила с сестрами жены Степняка.

Так вот, оказывается, как она изучила русский язык! Так вот как она попала в Петербург!

Значит, она в России давала уроки музыки. Но только ли это было целью ее поездки? И почему Степняк не называет ее по имени?

Очевидно, на то были серьезные причины. Дело в том, что письма русских политических эмигрантов постоянно перехватывались, и Степняк, конечно, не желал наводить полицию на след. Вероятно, Войнич была его помощницей, недаром он пишет: «Мы надеемся кучу новостей общественного и семейного разряда получить от своей англичаночки». Не естественнее ли было надеяться получить эти новости от близкой родственницы — родной сестры Фанни Марковны — Саши?

А может быть, Лили Буль, возвращаясь в Англию, привезла не только новости, но и письма, нелегальные рукописи?..

Хотя мы убеждены, что «своя англичаночка» — это Лили Буль, но точным доказательством мы еще не располагаем. А вдруг это не она?

Вновь и вновь перелистываем письма Степняка...

Просматриваем его записную книжку — дневник за 1889 год. В графе за 3 июня запись: «Отправил письмо Анке». Анкой Степняк называл Анну Михайловну Эпштейн. Значит, 2 июня он писал ей письмо, а 3-го отправил его.

На той же странице, в графе «4 июня», записано: «Приехала Саша с Булочкой».

Но он же писал, что Саша приедет с англичанкой.

«Булочка» — что это за имя?

Ну, конечно, это она! Ее фамилия — Boole — по-английски произносится почти совсем твердо: «Бул». И естественно было «свою англичаночку», молодую девушку, называть дружески и ласково — «Булочка»!

Итак, мы теперь точно знаем, как Лили Буль попала в Россию, и точно знаем дату ее возвращения в Лондон — 4 июня 1889 года. Но мы так и не знаем, когда и при каких обстоятельствах она познакомилась со Степняком, когда она уехала в Россию...

И. И. Попов в своих воспоминаниях описывает встречи с Лили Буль в Петербурге на квартире Карауловых в 1882 году.

Но Степняк переехал в Лондон только летом 1884 года, — значит, раньше этого времени он познакомиться с Лили Буль не мог. Кроме того, Лили Буль только в 1885 году окончила Берлинскую консерваторию, а перед этим, вероятно, несколько лет училась в ней.

Но И. И. Попов был арестован в феврале 1885 года и выслан в Сибирь, следовательно, позже этого времени он видеть Лили Буль в Петербурге не мог. Нечего говорить уж о Караулове, который был арестован в марте 1884 года.

Эти вопросы оставались без ответа. Только сама Э. Л. Войнич могла ответить на них.

Вернемся, однако, к архиву Степняка.

Если «Булочка» — это она (а это, конечно, так), то... это прозвище встречалось нам не раз.

Надо все опять пересмотреть заново!

В записной книжке Степняка за 1889 год ее имя больше не встречается ни разу.

В книжке за 1890 год записей очень мало. 5 января 1890 года отмечено: «Были у Энгельса с Ф(аней)».

В графе — 23 мая: «У Булочки».

Значит, он бывал у нее.

Больше в записных книжках мы не находим упоминаний о ней.

Но вот письма...

В конце 1890 года Степняк с женой выехал в США для пропаганды идей русского революционного движения, сбора средств на его нужды и для издания в Америке журнала «Свободная Россия». Между лондонскими друзьями и Степняком шла оживленная переписка. В отсутствие Степняка лондонское издание «Свободной России» редактировал его друг и соредатор, тоже политический эмигрант, Феликс Вадимович Волховский (1846—1914), публицист и поэт.

Ф. Волховский часто писал Степняку из Лондона, рассказывая о трудностях работы, о событиях своей личной жизни... В письме от 27 марта 1891 года он сообщает Степняку:

«...Преинтересный имел я разговор с Петром вчера (Петр — Петр Алексеевич Кропоткин.— Е. Т.). Он сильно напал на меня и на F. R. («Free Russia» — «Свободная Россия».— Е. Т.), упрекая нас в том, что мы забыли народ в пользу горсти привилегированных. Что во F. R. недостает некоторых статей, напр. о поземельном вопросе (разрешаемом в крайне демократическом смысле), о том, что, судя по неспособности правительства и правящего класса понять задачи истории, без революции обновление России невозможно и т. п., — это я и сам

знаю. Но чтобы она («Свободная Россия».— Е. Т.) продала народ в пользу либерального меньшинства, это, конечно, вздор. Я так и отвечал, объясняя нападки на нас с тобой (они в последнее время сделались активнее, хотя не интенсивнее: мысль о том, что русские революционеры, умышленно или неумышленно, представляются во F. R. неверно действительности — уже заброшена и к Пизам¹, и в самую редакцию: Булочка развивала ее очень запальчиво перед Робертсом¹, Рейнольдсом¹ и Роджерсом¹, когда все они были у меня)»...

Далее Волховский подробно излагает свою точку зрения по этому вопросу.

В нашу задачу не входит сейчас разбирать политические разногласия в среде эмигрантов того времени; для нас важно установить, что будущая писательница принимала в этих спорах горячее участие и придерживалась, очевидно, весьма радикальных взглядов. Недаром Волховский пишет о «запальчивости» Булочки. Ученица уже спорила со своим учителем.

В другом письме, без даты, но явно относящемся к этому же периоду, Волховский снова пишет Степняку о том же: он рассказывает о письме старейшего народника П. Лаврова, содержащем такие же упреки, сообщает о разногласиях внутри редакции и продолжает: «...а Булочка твердит одно: что мы с тобой виноваты». Волховский просит Степняка возвращаться скорее, так как он не в силах справиться со столь энергичной атакой.

В высшей степени важно для нас указание в письме от 27 марта 1891 года о том, что Булочка работает в самой редакции «Свободная Россия». Это подтверждается и другими упоминаниями в переписке Степняка. Возможно, некоторые статьи и очерки, опубликованные в этом журнале, могли быть или написаны или переведены ею (ведь в это время она уже усиленно занималась переводами произведений русских писателей). Но самый тщательный просмотр не дал никаких результатов. Большинство помещаемых материалов печаталось анонимно. Как раз за этот период в «Свободной России» напечатан перевод сказки Салтыкова-Щедрина «Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил» и других его произведений (№ 5 за 1890; № 1 и № 4 за 1891; № 1 за 1892). В № 4 за 1892 год опубликован без имени автора перевод рассказа В. Короленко «Чудная» с таким редакционным примечанием: «Рассказ молодого русского писателя; запрещен в России, распространяется в рукописях. Мы получили его от друзей из России». Эта была

¹ Английские общественные деятели, члены «Общества друзей русской свободы».

первая публикация рассказа. На русском языке впервые он был опубликован Степняком же в одном из выпусков изданий «Фонда Вольной Русской Прессы».

Сохранилось в архиве Степняка еще одно письмо Ф. Волховского — от 23 ноября 1891 года, в котором упоминается Лили Буль. Ф. Волховский пишет Степняку:

«Милый друг, стихотворения, присланные Лили, совсем не те, которых я со слов Ивана Михайловича (так друзья называли Михаила Войнич.— Е. Т.) ожидал. Это малорусские народные песни. Думаю, однако, что «Чайка» могла бы тебе пригодиться, как нечто, затрагивающее совершенно неизвестную англичанам новую тему... прилагаю на всякий случай копию «Чайки»... Если не считаешь возможным воспользоваться «Чайкой», то спроси Лили — может быть, у нее переведено что-нибудь из тюремных пьес».

Значит, уже в 1891 году Лили Буль переводила украинские народные песни. «Чайка» — это известная народная песня, которая часто встречается в песенниках XVIII века, а в переработанном виде вошла в репертуар так называемых «чумацких песен».

Просмотр комплекта журнала «Свободная Россия» дает нам еще немаловажные сведения об Э. Л. Войнич. Почти в каждом номере журнала печатался состав членов Исполнительного комитета «Общества друзей русской свободы». Начиная с августа 1892 года в этих списках появляется имя «Мистрис Вильфрид Войнич» (в Англии часто замужнюю женщину называют не только по фамилии, но и по имени мужа).

Итак, значит, она принимала активное участие в деятельности «Общества». В отчетах о заседаниях Исполнительного комитета нередко отмечается ее присутствие и выступления.

Все это является еще одним доказательством активного участия Э. Л. Войнич в русском революционном движении, ее тесного сотрудничества со Степняком.

В письме Ф. Волховского от 27 марта 1891 года содержится еще одно крайне любопытное упоминание о ней. В самом конце письма Волховский пишет Степняку:

«...постарайся повидать Василия Верещагина (художника). Гольдену (Л. Гольденберг — один из товарищей Степняка, политический эмигрант.— Е. Т.) пришла в голову восхитительная мысль воспользоваться чикагской выставкой в пользу русской революции, выставив соответствующие картины. Мне говорила Булочка, что Лулу (одна из сестер Лили Буль.— Е. Т.) видела здесь картину Верещагина Казнь русских революционеров в

Петербурге рядом с распятием Христа. Стало быть, он мог бы сделать кое-что для этой выставки».

Речь здесь идет об известных картинах В. В. Верещагина, о его «Трилогии казней», в которую входили: «Римская казнь. Распятие Христа», «Расстреливание из пушек в Индии» и «Казнь заговорщиков в России». Вся «Трилогия» вместе с многими другими картинами Верещагина была экспонирована на многих европейских выставках художника и пользовалась большим успехом. В Лондоне эти картины были показаны осенью 1887 года. Э. Л. Войнич их, вероятно, не видела, но важно отметить, что она знала о них.

Картина «Казнь заговорщиков в России», изображающая расправу с пятью народовольцами, осужденными по делу 1 марта 1881 года, даже в репродукциях производит сильное впечатление. На заднем плане — пять виселиц, виднеющихся сквозь снежную пелену. На переднем плане столь убийственно выразительны фигуры конного жандарма, олицетворяющего самодержавие, и попа, благословляющего казнь, что понятно, почему картина не только никогда не выставлялась в царской России, но даже была конфискована у владельца и только после Октябрьской революции найдена и экспонирована в Ленинградском музее революции.

Таким образом, Лили Буль знала об одной из замечательнейших картин русского художника, в которой разоблачалась реакционная роль церкви и ее служителей (а ведь эта идея воплощена и в романе «Овод»!).

Итак, изучение архива Степняка дает много ценнейших сведений об Э. Л. Войнич, но надежда найти ее письма пока не оправдалась.

Но вот еще одно упоминание об Э. Л. Войнич...

В письме от 19 апреля 1894 года Степняк писал жене:

«Был вчера у Флеровских... Пойду еще и хочу поговорить насчет автобиографии, чтоб узнать, как он. Опасаюсь, что если ему на Лили надеяться, то придется отложить поправления. Она теперь пишет роман из итальянской жизни. Это мне он, Войнич, сегодня сообщил» (подчеркнуто Степняком. В этом же письме он, между прочим, сообщает жене, что получил от Бернарда Шоу билет в театр, от Оскара Уайльда приглашение на обед.— Е. Т.).

Степняк очень дружил с Василием Васильевичем Берви (1829—1918), писавшим под псевдонимом «Флеровский», — автором известной книги «Положение рабочего класса в России»

Э. Л. Войнич. 1893 год. Флоренция.
С фотографии, принадлежащей Э. Л. Войнич.

(1869). Его труды высоко ценили Маркс и Энгельс. Степняк выпустил в издании «Фонда Вольной Русской Прессы» в 1893 году третью и четвертую части его популярной книги «Азбука социальных наук».

Очевидно, речь шла о том, чтобы Флеровский написал свою автобиографию, и предполагалось, что Э. Л. Войнич примет участие в этой работе.

Но она уже была занята другим делом: она уже писала роман «Овод».

Теперь для нас становится яснее атмосфера, в которой создавался «Овод», и роль русского революционера и писателя С. М. Степняка-Кравчинского в жизни Э. Л. Войнич.

КАК «ОВОД» ПОЯВИЛСЯ В РОССИИ

Как уже известно читателю, первое упоминание в России о романе «Овод» появилось в декабрьской книжке журнала «Мир Божий» за 1897 год, а в первых шести номерах за 1898 год был напечатан и самый роман в переводе З. А. Венгеровой.

Нам было известно, что первое издание «Овода» на английском языке вышло в Лондоне в сентябре 1897 года. Декабрьская же книга «Мира Божьего» печаталась в ноябре 1897 года. Значит, всего через месяц после появления романа в Англии он уже был замечен в России и его стали переводить на русский язык. Этот слишком короткий срок вызывал предположение, что переводчица получила роман непосредственно от его автора, что они были как-то связаны между собой, может быть, знакомы.

Зинаида Афанасьевна Венгерова (1867—1941), сестра известного историка литературы С. А. Венгерова, была в то время популярным критиком и переводчиком иностранной литературы. Она неоднократно бывала за границей и могла быть знакома с Э. Л. Войнич, которая переводила произведения русских писателей на английский язык.

Некоторые косвенные данные подтверждали нашу догадку.

Коротенькая заметочка о Войнич в одиннадцатом томе Нового энциклопедического словаря Брокгауза — Ефрона обращала на себя внимание тем, что была составлена не совсем обычно для словарной статьи. Во-первых, имя Войнич в словаре было дано не официально, как полагалось, — «Этель Лилиан», а интимно, по-домашнему — «Лили». Во-вторых, об «Оводе» там было написано так: «В романе этом (из эпохи итальянской революции) читатели усмотрели известную аналогию с настрое-

ниями русского революционного движения. Это объясняется близким знакомством автора с русской революционной средой».

Так мог написать только человек, лично знавший Войнич или ее друзей. Под заметкой стояла подпись «З. В.». Если учесть, что отдел литературы в этом словаре вел С. А. Венгеров, а отдел иностранной литературы — З. А. Венгерова, можно считать несомненным, что буквы «З. В.» обозначали: «Зинаида Венгерова».

Мы обратились к племяннику Венгеровых, писателю Александру Леонидовичу Слонимскому.

«Как же! Тетушка была хорошо знакома с Лили Войнич. Они дружили. Тетушка всегда с восхищением отзывалась о ней. Поэт Николай Максимович Минский, муж Зинаиды Афанасьевны, тоже был знаком с Войнич».

По совету А. Л. Слонимского мы обратились в Пушкинский дом, в Институт русской литературы Академии наук СССР. Сотрудник института Л. М. Добровольский принес небольшую папку. И вот они, ее письма! На плотной, чуть желтоватой бумаге. Четкий, твердый, красивый почерк. Письма написаны по-русски, по-английски написан только адрес:

«92 Edith Grove Chelsea, S. W. London. 27. 6. 97.

Дорогой Минский.

Я не получила от Вас письмо, и поэтому предполагаю, что Вы дольше остались в Руане.

Американское издание моего романа уже вышло в Нью-Йорке, так как Holt (издатель) считал это для Америки добрым сезоном. Тут приняты меры для сохранения «copyright'a»¹; а английское издание выйдет, как я вам на днях писала, в сентябре. Heinemann меня просит пока не говорить людям о том, что вышло американское издание, так как это могло бы очень мешать продаже книг осенью в Англии. Поэтому, посылая Вам с этим письмом экземпляр американского издания, я вас прошу его не показывать.

По прочтению романа, наверно, вы сумеете решиться, подходит ли он до того журнала или нет. Об этом я, конечно, ничего не могу знать. Так как я еще не знаю, какой это журнал. Поэтому полагаюсь вполне на Вас. Если вы находите, что он для того журнала неподходящий, то, пожалуйста, не стесняйтесь мне это сказать совсем просто.

В последних корректурах рабочие ухитрились оставить несколько очень серьезных опечаток, несмотря на то, что я чрез-

¹ «Права издания».

вычайно тщательно просмотрела корректуры. Важнейшие из них я вычеркнула карандашом в том экземпляре, который посылается Вам.

Очень сожалею о том, что не могу вычеркнуть во всех экземплярах этот ужасный переплет, но таков вкус американской широкой публики, а издатели думают о ее вкусе, а не о вкусе каких-нибудь авторов!

Впрочем, это ведь все равно.

Английское издание, понятно, будет более по человечески.

Ну, всего хорошего!

Ваша Лилия Войнич.

Книгу посылаю заказным».

«92 Edith Grove Chelsea S. W. London. 25. 7. 97.

Дорогой Минский.

Спасибо за Ваше письмо, которое меня очень заинтересовало. Ваша критика тем более для меня любопытная, что так резко отличается от всех до сих пор услышанных мнений. Здесь в Англии, я слышала, пока, только частную критику, так как английское да колониальное издания «Овода», как Вам известно, выйдут только осенью; но из Америки, где книга вышла в прошлом месяце и где она, повидимому, уже имеет успех, я получила рецензии. Несколько из них, хотя очень хвалят с литературной точки зрения, но поднимают крик о «возмутительном» и «ужасающем» характере романа. Одна большая газета предостерегает читателей, что страницы его «наполнены кощунством и богохульством».

Вам, континентальному человеку, он делает диаметрально-противоположное впечатление,— религиозной тенденции. Знаете, это очень интересно. Мне очень хотелось бы услышать мнение Зинаиды Афанасьевны. Попросите ее быть так любезною прочесть роман и высказать свое мнение об этом пункте.

Что касается до «Мира Божьего», то мне трудно что-нибудь сказать, так как я очень мало знаю об этом журнале. Не можете ли Вы мне дать некоторое понятие о нем,— кто редактор, кто сотрудничает, какого рода публика читает? — Большой ли это журнал? Вы сами понимаете, что я не поместила бы «Овод» в издание второстепенное; также и не поместила бы в клерикальное, если б даже подобное согласилось бы напечатать.

Я заметила, что в библиографическом отделе одного номера «Русской мысли» критик, разбирая какое-то приложение к «Миру Божьему», употребляет выражение:

«юные читатели». Разве это — издание для подростков? Я думаю, едва ли бы им поздоровилось от такой пищи, как «Овод»! Он ведь не «virginibus pueris-quaе»¹. То, что я Вам писала о молчании до сентября, конечно, не относилось до Зинаиды Афанасьевны. Передайте ей, пожалуйста, поклон от меня; и извините, что причиняю Вам столько хлопот о моей книжке.

Всего хорошего! Ваша Лилия Войнич.

P. S. Если возможно, я хотела бы довольно скоро устроить помещение перевода; потому что книга, (так мне говорили), обращает на себя много внимания в Америке, так что легко могла бы попасть в руки «пиратов».

«92 Edith Grove Chelsea, S. W. London. 7. 10. 97.

Дорогой Минский.

Жду с нетерпением ответа от Вас. Пожалуйста, дайте мне знать поскорее, что вышло из Ваших хлопот ради русского издания моего романа. Если не вышло ничего, то придется мне порыться, где это можно устроить, потому что я теперь действительно боюсь пиратских переводов. Книга вышла здесь в Лондоне три недели тому назад и делает тут уже некоторый шум. Появился большой разбор ее от редактора Fortnightly Review'a² и вообще довольно много ею занимаются, но не так, как в Америке. Там очень горячо о ней спорят в прессе, и продажа, вследствие этого, очень бойко идет. Поэтому имею основание бояться, что господа пираты мне дело испортят. Будьте так любезны, дайте мне знать, как быть. Спешу. Поклон Вам и Венгеровой.

Ваша Л. Войнич».

Итак, теперь мы знаем, что еще до выхода «Овода» на английском языке Э. Л. Войнич стремилась издать его на русском и говорила об этом с Н. Минским. По письмам видно, что они были знакомы довольно близко и часто переписывались. Н. М. Минский (1855—1937), в свое время известный поэт, начинал с революционных стихов, потом стал символистом, впал в религиозный мистицизм. Некоторое время, в 1905 году, Минский был связан с большевистской газетой «Новая жизнь». Показательно, что Н. Минский не понял воинствующего, антирелигиозного духа романа — то, что сразу так хорошо поняла американская буржуазная пресса. Это тем более любопытно, что сам Минский в юности создал произведение, выражающее те же настроения, что и «Овод».

¹ «для девушек и юношей» (лат).

² «Двухнедельного обозрения».

Мы имеем в виду драматический отрывок в стихах «Последняя исповедь», напечатанный в № 1 «Народной Воли», вышедшем в 1879 году. Этот отрывок, рисующий мужество революционера, перед казнью отвергающего утешения священника и разоблачающего лицемерие религии, производил потрясающее впечатление на современников. Под влиянием «Последней исповеди» И. Репин создал свою картину «Отказ от исповеди перед казнью». И автор такого произведения не понял «Овода»! Но не поняв романа, Минский не мог не почувствовать его силы и способствовал переводу «Овода» на русский язык.

Интересно, что Э. Л. Войнич, предположив по названию клерикальный, то есть церковный, характер журнала, отказывалась печататься в нем, если бы это оказалось именно так. Но «Мир Божий» вовсе не был клерикальным журналом. В нем действительно сотрудничали представители легального марксизма. Редактором его был известный педагог В. П. Острогорский. Читали его самые широкие прогрессивные круги того времени. Сотрудничал в нем и В. И. Ленин. Как раз в апрельской книжке за 1898 год, то есть тогда, когда в нем печатался «Овод», опубликована рецензия В. И. Ленина на книгу А. Богданова.

Действительно, в первые годы издания журнал предназначался для юношества, но с 1896 года расширил свою программу и стал журналом для самообразования.

Интересно, что сама Э. Л. Войнич ни в коем случае не предполагала, что наибольший интерес «Овод» вызовет как раз у молодежи.

Но писательница была уверена, что «Овод» будет иметь успех в России. Она не ошиблась. С момента появления «Овода» в России роман завоевал сердца читателей. Один из старейших деятелей Коммунистической партии, Е. Д. Стасова, рассказывает об «Оводе» в письме к автору этих строк: «Этот роман впервые появился в журнале «Мир Божий», и мы, учительницы воскресных школ, вырезали его из журнала, перепели и давали читать своим ученицам». Ученицами в этих школах были петербургские работницы.

Так удалось прочитать еще одну любопытную страницу истории «Овода».

ЗАЧЕМ Э. Л. ВОЙНИЧ ПРИЕЗЖАЛА ВО ЛЬВОВ

Среди множества документов, находящихся в филиале Центрального государственного исторического архива УССР в городе Львове, бережно хранятся два письма Э. Л. Войнич к М. И. Павлику.

Писатель и публицист Михаил Иванович Павлик (1853—1915) в течение долгих лет принимал активное участие в освободительном движении на Западной Украине, страдавшей под гнетом австро-венгерской монархии. Вместе с известным писателем Иваном Франко М. Павлик боролся с реакционерами всех мастей и был создателем демократической печати Галиции.

С самого начала своей деятельности М. Павлик подвергался жестокому полицейскому репрессиям. Его повести и рассказы запрещались, издания, которые он редактировал, конфисковывались полицией, а сам он неоднократно подвергался арестам. Спасаясь от жандармского террора, он в 1879 году уехал в Швейцарию, где сблизился с украинским либеральным общественным деятелем профессором М. П. Драгомановым и познакомился с русскими революционерами Г. В. Плехановым, В. И. Засулич, С. М. Степняком-Кравчинским и другими.

Вернувшись через три года на родину, М. Павлик продолжил свою деятельность. В 1890 году И. Франко и М. Павлик организуют радикальную партию, издают газеты «Народ» и «Хлебороб». Эти издания одобряли и поддерживали создатели первой русской марксистской организации — группы «Освобождение труда» — Г. Плеханов и В. Засулич.

М. Павлик высоко ценил русскую литературу. Он переводил на украинский язык произведения Л. Толстого, М. Салтыкова-Щедрина, Г. Успенского, А. Островского.

Мировоззрение М. Павлика складывалось под влиянием русских революционных демократов. Он знал и изучал произведения Маркса и Энгельса, однако не стал марксистом, остановившись в своем развитии на позициях утопического социализма.

Трагически сложилась судьба литературного наследия М. Павлика. Его рассказы и повести, реалистически изображавшие тяжелую жизнь украинцев, находившихся под игом австро-венгерской монархии, не раз запрещались. Лишь однажды, в 1909 году, М. Павлику удалось издать некоторые свои произведения. Теперь, в 1955 году, во Львове изданы «Избранные произведения» М. Павлика на украинском языке.

Оба письма Э. Л. Войнич к М. И. Павлику относятся к 1895 году. Они написаны четким, красивым почерком на русском языке, только адрес в начале второго письма дан по-английски.

Вот что писала Э. Л. Войнич Михаилу Ивановичу Павлику из Лондона во Львов 25 марта 1895 года:

«Лондон, 25. 3. 95

Дорогой товарищ.

Вот и не сдержала слово; обещала написать Вам из Вены и до сих пор ни словечка не писала. Что же делать! Там очень нездоровая была, а как только сюда доехала, так сейчас свалилась,—инфлуэнца. Весь город переболел. Теперь мне лучше, и через две недели я поеду в Италию, для окончания своей книжки.

Ну, что Вы поделываете? Все скучаете? Непременно надо Вам приехать к нам летом, когда я вернусь из Италии. Совсем на Вас рассчитываем.

Читали ли Вы «Записки рядового» Гаршина? Я недавно на английский язык перевела, и имела довольно большой успех. Теперь, к несчастью, мне некогда переводами заниматься,—так много разных дел.

Посылаю Вам Листок, из той серии, к которой принадлежит та брошюрка, которую Вы после моего отъезда мужу послали. Пожалуйста, читайте его внимательно, и напишите Ваше мнение.

Знаете, я очень нетерпеливо жду ответ от Вас по поводу того подарка, который Вы мне обещали достать для меня. Неужели нельзя достать? Постарайтесь, голубчик; очень мне хочется поскорее получить! Если б Вы только знали, как это для меня важно;—просто жду—не дожусь. Я уверена, что Вы для меня достанете; положусь на Вас, как на каменную стелу. Но поторопитесь; а то ждать тяжело.

Передайте, пожалуйста, большой поклон Буберам да г-же Лилиен, да этим двум барышням, учительницам. Если г-жа Лилиен увидится со своим приятелем, к которому она меня вела, то пусть она ему передаст, что я, из-за болезни, еще не могла справиться для него об английских университетах, но что это сделаю непременно.

О Вашем золотом пере не забыли, и при первой возможности пошлют.

Заметку в Kurjer Lwowski видели;—это, вероятно, через Вас помещено? Если так, то спасибо.

Ну, а теперь мне надо спешить. Муж Вам пишет тоже. Поклон Франко и Г-же Вислоуховой.

Как поживает Ваша мать?—Смотрите, приезжайте летом, а пока, не хворайте, а главное, не тоскуйте!

Скоро опять напишу

Ваша

Лилия Войнич».

Второе письмо написано после довольно долгого перерыва, 3 сентября 1895 года.

«149 The Grove Hammersmith, W, London

3. 9. 95

Дорогой Друг

Правда, уж очень долго я молчала! Ну, для этого есть особая причина: я сидела целые 4 месяца в Италии, совершенно углубляясь в литературной работе, которая теперь уже приближается к концу. Я была до того занята и поглощена своей работой (это и есть тот самый роман, о котором с Вами говорила), что совершенно газет не читала, и не знала ничего, что в мире творится. Только возвращаясь домой, я узнала о смерти Драгоманова. Я слишком хорошо понимаю, какое это для Вас горе, чтобы говорить Вам о моем сочувствии:—ведь Вы в нем не сомневаетесь.

Как бы я хотела, чтобы Вы могли несколько времени с нами провести теперь! Я думаю, и Вам было бы легче хоть на месяц вырваться из своей «дыры» и на Божий свет посмотреть. А что до нас касается, то на свете так мало настоящих товарищей, а жизнь иногда бывает так тяжела между врагами да завистниками, что кажется, год жизни мы бы отдали, чтобы хоть изредка увидеть лицо искреннего друга. Ах, не сладко иногда живется на белом свете!

Не знаю, услышали ли Вы о крахе, который с нами произошел. В денежном отношении нам очень и очень плохо, и мы теперь не только из личного заработка ничего на дело уделить не можем, но сами оглядываемся, как бы с голоду не помирать.

Конечно, все это—временное затруднение, из которого мы скоро вылезем. Слава те Господи,—не первый раз голодаем, и все-таки до сих пор не погибли;—не страшно. Меня гораздо больше беспокоит плохое здоровье моего мужа; он до того малокровен и страдает таким нервным расстройством, что я за него очень тревожна. Я все-таки думаю, что эта болезнь происходит от целого ряда самых тяжелых неприятностей, которые с нами случались в течение последнего года, и что она излечится, когда те впечатления с временем потеряют свою яркость.

Что касается до делов, то я совершенно не беспокоюсь о них; очень скоро поправятся, без всякого сомнения; приходится только переждать немножко, пока выйдем из кризиса. А там пойдет все хорошо.

Пожалуй в следующем году Вы к нам приедете? Было бы так хорошо! Душой отдохнете, а мы тоже.

В Италии я положительно ничего видать не успела; целый Божий день сидела в разных Архивах и Библиотеках, или же в своей комнате за писанием.

Однообразность жизни прерывалась только землетрясениями, которые доводили население до такого состояния панического ужаса, что прямо странно было смотреть на людей. Устала я порядочно, а между тем значительно поправилась; а книга, кажется, недурно выходит. Она относится к Итальянскому движению сороковых годов.

Ну, будьте здоровы, и большое, большое Вам спасибо за все, что сделали.

Поклонитесь, пожалуйста, этим двум барышням учительницам и всем моим другим Львовским знакомым. Напишите мне, когда у Вас время будет.

Поклон Вашей матери, а Вам самому самый дружеский привет от нас обоих, а в особенности от меня.

Ваша Лилия».

Эти письма, несомненно, свидетельствуют о дружеских чувствах английской писательницы к украинскому писателю. Э. Л. Войнич делится с ним своими сокровенными мыслями, рассказывает о работе над книгой (это и был «Овод»), приглашает к себе, благодарит за какие-то услуги.

Из писем можно сделать вывод, что незадолго до написания первого письма — 25 марта 1895 года — Э. Л. Войнич встречалась с М. Павликом. Нам известно, что в это время М. Павлик никуда из Львова, где он жил постоянно, не выезжал, кроме городка Коломыи, расположенного неподалеку. Остается предположить, что Э. Л. Войнич сама приезжала из Лондона во Львов. Это подтверждается и текстами самих писем.

Зачем, с какой целью, поглощенная работой над своим первым романом, вынужденная из-за недостатка времени отказаться даже от переводов, Э. Л. Войнич предприняла столь длительное и утомительное путешествие из Англии в Галицию?

Тексты писем не дают ответа на этот вопрос. Наоборот, многое в них неясно. О каком «подарке» говорит Э. Л. Войнич с такой настойчивостью? Вряд ли здесь идет речь о какой-либо дамской вещице, которую ей захотелось иметь. Непонятно, о каком золотом пере она говорит. Почему она такими общими словами говорит о каком-то листке, о брошюре?

Мы попытались найти ответ на эти вопросы в архиве М. Павлика.

В рукописном отделе Института литературы имени Т. Г. Шевченко Академии наук УССР в Киеве хранится 12 писем М. Войнича к М. Павлику.

Эти письма Михаила Вильфрида Войнича (в эмиграции он был известен под именем Ивана Кельчевского) кое-что объясняют в отношениях между Э. Л. Войнич и М. И. Павликом и позволяют прочесть любопытную страницу международных связей русских революционеров в конце XIX века.

Очевидно, уцелели далеко не все письма М. Войнича к М. Павлику, но сохранившееся письмо от 27 июля 1891 года было первым. В нем М. Войнич писал М. Павлику об организации в Лондоне «Русского литературного фонда» и сообщал о его целях:

...«издавать брошюры, книги, перепечатывать статьи и ценные вещи, печатать произведения выдающихся русских писателей, которые по цензурным условиям не могут появиться в России. И, наконец, когда приток литературных и материальных средств усилится, приступить к изданию серьезного журнала. Само собой разумеется, что перевозка изданий в Россию на первом плане... Есть основания предполагать, что в Галиции малороссы и приезжие русские будут покупать, если хорошо поставит дело... У нас есть всюду агенты и книжные магазины, за исключением Чехии и Галиции... Не могли ли бы Вы поэтому помочь нам в этом деле. Степняк сильно на вас рассчитывает».

Дальше М. Войнич сообщает о предстоящем первом выпуске изданий Фонда, предлагает различные деловые мероприятия, сообщает, что они в Лондоне регулярно получают издания Павлика.

Очевидно, М. Павлик согласился на предложение, деловые отношения были установлены, и между Львовом и Лондоном началась регулярная переписка.

Следующее из имеющихся писем М. Войнича датировано 7 февраля 1892 года. М. Войнич сообщает, что первый выпуск Фонда, в котором была напечатана статья Степняка «Чего нам нужно?», уже распродан, имел большой успех, и благодарит М. Павлика за содействие его распространению. Он пишет: «Мы очень рады, что Вам программа Фонда и брошюра понравились». Связь между лондонскими эмигрантами и М. Павликом становится все теснее. Они начинают обмениваться не только вышедшими изданиями, но и материалами для этих изданий. Как видно из писем М. Войнича, И. Франко обещал поместить в «Курьере Львовском» (газета, издававшаяся во Львове на польском языке, в которой в то время принимали близкое участие И. Франко и М. Павлик) статью о брошюре Степняка.

13 февраля 1892 года М. Войнич запрашивает М. Павлика о том, сколько экземпляров второго выпуска Фонда — брошюры Степняка «Заграничная агитация» — выслать во Львов для продажи.

Надо напомнить, что обе эти статьи Степняка в 1894 году вышли в Лондоне на английском языке в переводе Э. Л. Войнич.

10 марта 1892 года М. Войнич посылает М. Павлику почтовую открытку. (Как видим, переписка шла довольно интенсивно.) Однако написана она совсем другим почерком, совершенно непохожим на почерк М. Войнич. На архивной папке значится: «рукой неизвестного лица». Но мы узнаем хорошо знакомый, красивый, характерный почерк Э. Л. Войнич.

Под диктовку М. Войнич она писала М. Павлику:

«10.3.92.

Дорогой товарищ!

Операция на руке помешала мне сейчас Вам ответить, и теперь заставляет просить товарища. 5 фр. получил. 3-го марта послал 1-й выпуск: 30 экз. Сегодня 50 экз. 2-го вып. 15 фев. был послан бланк. Материалы для газеты будут посланы как только выздоровею. Крепко жму руку.

И. Кельчевский.

Цена 2-го вып. также 25 центимов».

В этом факте мы видим еще одно свидетельство непосредственного участия Э. Л. Войнич в работе русских политических эмигрантов в Лондоне.

В следующих письмах 1892, 1893 и 1894 годов М. Войнич продолжает извещать М. Павлика о новых изданиях Фонда, их распространении, о посылке М. Павлику разных книг, в том числе «Гражданской войны во Франции» К. Маркса. Обращение вместо «мноغوважаемый соотечественник» всюду сменилось на «дорогой товарищ».

К сожалению, от письма М. Войнич к М. Павлику, датированного 13 марта 1895 года, сохранился только один листочек (может быть, остальные его части находятся в других архивохранилищах?), но и он дает многое для ответа на наш вопрос.

М. Войнич пишет:

«London. 13.III.95.

Дорогой товарищ. Лили обещала Вам черкнуть из Вены, но по приезде свалилась в гостинице.— 3-го вернулась в Лондон и вот уже десять дней как лежит в инфлуэнции. Сегодня впервые поднялась, но еще слишком слаба, чтобы писать. Поэтому

26

же и в Италию она поедет лишь в начале апреля. Спасибо Друже за [все, что] Вы для нее сделали и что делаете для нас. Я очень рад, что Лили так с Вами подружилась. Вот и толкуйте после этого, что нужны годы, чтобы сойтись с добрыми людьми. Нет, чуткие люди могут скоро сойтись, если только друг друга разгадают. Я очень рад, что Лили уговорила Вас приехать к нам летом. И помните, что она Вас держит за слово. Отнекиваться Вам из-за денежных расходов не придется, так как жизнь в Лондоне Вам не может ничего стоить, а билет до Лондона и обратно мы Вам вышлем. Итак значит летом и мы с Вами познакомимся.— Я не допускаю ни малейшей возможности не увидеться с Вами летом. Теперь о делах. Очень жаль, что Лили не все записала и поэтому приходится Вас опять тревожить. Дайте, голубчик, как можно скорее ответ, сколько стоит напечатать...».

На этом рукопись обрывается, к ней приложен еще кусочек письма, но непонятно, часть ли это того же самого письма или часть другого, во всяком случае, по содержанию установить невозможно.

Если припомнить, что первое из известных нам писем Э. Л. Войнич к М. Павлику датировано 25 марта 1895 года, то теперь, после ознакомления с письмом М. Войнич от 13 марта 1895 года, события представляются в следующем виде: очевидно, в начале 1895 года Э. Л. Войнич поехала по какому-то важному делу из Лондона во Львов. Там она познакомилась уже лично со знакомым ей раньше по письмам Михаилом Ивановичем Павликом. М. Павлик оказал ей (то есть, вероятно, лондонским эмигрантам) какие-то важные услуги. Уезжая из Львова, она обещала М. Павлику написать ему с дороги, из Вены, но из-за болезни не выполнила обещания. 3 марта она вернулась в Лондон тяжело больная. Желая объяснить М. Павлику причину своего молчания, она попросила мужа написать во Львов. Выздоровев, она написала 25 марта своему новому другу сама.

Через пять дней, 30 марта 1895 года, М. Войнич опять пишет М. Павлику, сетует, что письма доходят нерегулярно, просит напечатать 100 экземпляров какого-то бланка (вероятно, для сбора пожертвований) и заканчивает:

«Спасибо за все, что Вы для нас делаете. Не может ли Франко перевести на польский язык этот же бланк. Лили шлет привет. Потом подробности. Спешу. Крепко жму руку».

3 сентября 1895 года М. Войнич пишет карандашом коротенькую записочку М. Павлику и вкладывает ее в письмо жены. Он сообщает:

27

«Как я Вам уже писал в прошлом месяце (этого письма нам не удалось найти.— Е. Т.) у нас произошел денежный полный крах, потеряли большие деньги, [которые] предназначались на Союз книгоношей и теперь можем вести дело лишь в крохотных размерах, как все остальные группы.

Спасибо, Братское Вам спасибо за все, что Вы нам сделали. Бедный Вы, еще одного друга потеряли. Крепко, крепко Вас обнимаю. Ваш Войнич».

Союз книгоношей, о котором упоминает М. Войнич, был организован им для распространения нелегальной литературы. Что касается «денежного краха», о котором пишут они оба, нам не удалось установить, о чем идет речь.

Последнее письмо М. Войнича, из находящихся в Институте литературы имени Т. Г. Шевченко, датировано 2 декабря 1895 года. В этом письме М. Войнич выражает сочувствие М. Павлику по поводу прекращения издания «Народа» (издание «Народа» было прекращено из-за отсутствия средств), рассказывает о своих трудностях:

«Приходилось напрягать все свои силы, чтобы и с голоду не умереть и что б Книгоноши только временно приостановили свою деятельность, а не совсем погибли» и пишет дальше: «Тяжелое положение, тяжелое везде, потому что везде реакция, реакция даже в Англии. Но важнее всего здоровье и бодрость. Ведь если живы будем, доживем до лучших времен. Реакция не может вечно продолжаться, она уже доканывает сама себя. Будут и лучшие дни, приложим свои силы с большей пользой и большими результатами... Братское Вам спасибо за все, что делали для нас».

М. Войнич уже не зовет М. Павлика к себе, а, наоборот, обещает сам приехать во Львов весной или к началу лета.

В высшей степени интересно, что он снова пишет о дружеских чувствах Э. Л. Войнича к М. Павлику:

«Лили очень Вам кланяется. Чем вы, батенька, ее заколдовали, что она так скоро так Вас полюбила. Я редко знаю человека, к которому она бы так дружески относилась. Я очень рад, что Вы так сошлись. Я рад всегда, когда добрые и умные люди дружатся, это так редко бывает. Она кончила книжку и ждет выхода. Но так устала и так измучилась, что положительно не в состоянии ничего делать. Через недельку она Вам напишет длинное письмо. Сегодня ограничивается лишь приветом».

Вряд ли переписка на этом оборвалась, но больше никаких материалов обнаружить пока не удалось.

Итак, мы можем считать установленной тесную и дружескую связь между автором «Овода» и видным общественным деятелем Западной Украины М. Павликом. Интересно подчеркнуть, что Э. Л. и М. Войнич постоянно горячо благодарят М. Павлика за какую-то важную услугу.

Мы не знаем, за какую. Мы не знаем еще, зачем писательница приезжала во Львов.

Тщательно вновь и вновь перечитываем ее письма к М. Павлику. Она сообщает ему о своем переводе на английский язык «Записок рядового» Гаршина. Надо сказать, что, кроме рассказа «Из воспоминаний рядового Иванова», Э. Л. Войнич перевела еще три рассказа В. М. Гаршина: «Трус», «Происшествие» и «Красный цветок». Все эти четыре рассказа были изданы в Лондоне в 1893 году с предисловием Степняка.

Она передает приветы своим львовским знакомым. Это все друзья и сотрудники М. Павлика. Кроме известного писателя И. Франко, мы встречаем имя Рафала Бубера (1866—1931). Это был прогрессивный адвокат (он вел дела М. Павлика) и социалистический деятель. Госпожа Лилиен — сотрудница газеты «Курьер Львовский», редактором которой был одно время Болеслав Вислоух (1855—1937) — личный друг И. Франко, один из крупных прогрессивных общественных деятелей Галиции. Его жена Мария Вислоухова (1858—1905) — известная общественная деятельница и польская писательница, автор брошюр о Мицкевиче и рассказов из эпохи польского восстания 60-х годов.

Говоря о заметке в «Курьере Львовском», Э. Л. Войнич, очевидно, имеет в виду коротенькое сообщение, опубликованное в этой газете 5 марта 1895 года, о том, что в Лондоне под редакцией известного русского революционера Степняка готовится сборник материалов о русском революционном движении. Организаторы сборника обращаются с просьбой ко всем, имеющим сведения о крупных политических процессах в России и жизни революционеров, сообщить эти сведения в Лондон¹. (Этот сборник вышел в Лондоне в 1897 году под названием «За сто лет».)

Очевидно, работая в Италии над созданием «Овода», Э. Л. Войнич действительно была довольно долго оторвана от текущих событий: М. П. Драгоманов умер 20 июня 1895 года в Софии, а Э. Л. Войнич пишет об этом только в сентябре.

¹ Заметка в «Курьере Львовском» обнаружена с помощью научных сотрудников филиала ЦГИА УССР в городе Львове Л. Ф. Левинской и В. А. Несен.

Эти письма важны для нас и тем, что рисуют обстановку, в которой создавался «Овод». Жизнь его создательницы была полна нужды и лишений; нередко, как она сама пишет, ей приходилось даже голодать. Время создания романа «Овод» было временем, когда его автор принимал активное участие в русском революционном движении. В это же время Э. Л. Войнич интенсивно работала над переводами произведений русских писателей на английский язык. Кроме рассказов Гаршина, Э. Л. Войнич в это время переводила произведения Гоголя, Салтыкова-Щедрина, Достоевского, Г. Успенского и других русских писателей, которые вошли в сборник «Русский юмор», выпущенный под редакцией и с предисловием Степняка.

По собственному свидетельству писательницы, она была всецело поглощена работой над романом. В ее письмах мы находим и первую оценку своей работы.

Из этих же писем мы узнаем, что в конце 1895 года «Овод» был уже закончен. Однако роман вышел в свет лишь летом 1897 года в Нью-Йорке и осенью 1897 года в Лондоне.

Таким образом, эти письма являются важными историко-литературными документами, раскрывающими творческую историю романа «Овод».

Но все же зачем Э. Войнич ездила во Львов? Научный сотрудник Института литературы имени Т. Г. Шевченко Мария Демьяновна Дергач посоветовала нам просмотреть изданную М. Павликом «Переписку М. Драгоманова с М. Павликом (1876—1895)». Семь томов (с II по VIII) этой переписки вышли в 1910—1911 годах. М. Павлик снабдил публикуемые письма подробными комментариями. В примечаниях он раскрывает много имен и событий, которые в свое время были зашифрованы им в переписке из конспиративных соображений.

В VIII томе, охватывающем переписку 1894—1895 годов, мы нашли письмо М. Павлика к М. Драгоманову от 23 февраля 1895 года из Львова. В этом письме (на украинском языке) М. Павлик писал о бесконечных бедах и трудностях, которые ему приходится преодолевать:

«...самое тяжелое горе я переживаю именно сейчас и единая отрада мне была думка о Вас да одна Англичанка из Лондона, что была у меня по делу (говорит по-русски и принимает участие в русском революционном движении: человек необыкновенно образованный и человечный). Про дело, для которого она приезжала, расскажу Лесе (ибо писать нельзя) и для этого и для другого дела мне непременно нужно поговорить с Лесей, когда она будет возвращаться в Россию.

Для этих дел я желал бы поговорить хоть сейчас и, снова

для Вас и для Леси, особенно рад был, чтобы она была в Софии как можно дольше, если не навсегда.

Будьте здоровы.

Вашим кланяюсь. М. Павлик.

Мне непременно надо отдохнуть; Англичанка зовет на лето к себе — да этого не может быть. Я мог бы жить с ее мужем над морем».

Несомненно, что «Англичанка», о которой пишет М. Павлик, — это и есть Э. Л. Войнич. Совпадает даже такая деталь, как приглашение приехать на лето.

Но какое это было дело, если М. Павлик собирался говорить о нем с Лесей Украинкой лично, если о нем даже «писать нельзя»?

В примечании к письму, составленном при подготовке его к печати, М. Павлик пишет:

«Не говорил я про это дело с Косач (Ларисса Косач — настоящее имя знаменитой украинской писательницы Леси Украинки, племянницы М. Драгоманова.— Е. Т.), которую увидел уже после смерти Драгоманова, в Софии — ибо она для такого дела неспособна. Это была перевозка в Россию всякой запрещенной литературы — предпринятая на широкую ногу, которая провалилась с отходом от этой цели Фонда, в самом Лондоне». (Подчеркнуто мной.— Е. Т.)

Вот для чего приезжала Э. Л. Войнич во Львов, оторвавшись от работы над «Оводом»!

Это было так законспирировано, что даже в 1911 году М. Павлик, раскрывая при публикации своей переписки в примечаниях множество других имен, не считал возможным раскрыть имя Э. Л. Войнич. Лишь в рукописном именном указателе, который М. Павлик сам составил к этой переписке, он указал ее имя: «Мадам Войнич — т. VIII, стр. 204, 205». Это как раз те страницы, где в письме от 23 февраля 1895 года упоминается «Англичанка».

Таким образом, создавая «Овод», Э. Л. Войнич принимала непосредственное участие в конспиративной революционной деятельности в Галиции, используя близость русской границы для переправки в Россию нелегальной литературы. Примечание М. Павлика раскрывает нам подлинную обстановку, в которой создавался «Овод»; оно чрезвычайно важно для понимания творческой истории этого замечательного произведения.

Работа в итальянских архивах и библиотеках помогла Э. Л. Войнич воссоздать историческую атмосферу итальян-

ского освободительного движения в 30—40-е годы XIX века, но активное участие в революционном движении, личная заинтересованность в судьбах русской революции, риск и опасности, связанные с подпольной деятельностью,— все это помогло в создании прекрасного образа героя-революционера, который вот уже более полувека волнует сердца читателей «Овода».

Важно отметить, что Э. Л. Войнич глубоко интересовалась литературой украинского народа и хорошо знала украинский язык. Однако эта сторона ее деятельности еще мало известна. Можно напомнить, что еще в 1891 году Э. Л. Войнич перевела на английский язык украинские народные песни.

В 1911 году, к 50-летней годовщине со дня смерти Т. Шевченко, Э. Л. Войнич выпустила в Лондоне книжку «Шесть стихотворений с украинского Тараса Шевченко», в которой, кроме переводов шести стихотворений Шевченко, она поместила еще биографический очерк о великом украинском поэте. Э. Л. Войнич высоко оценивала творчество Т. Шевченко, называя его лирику бессмертной. Анализируя особенности его поэзии, она сравнивает Шевченко с шотландским поэтом Р. Бернсом.

ПАКЕТ ИЗ НЬЮ-ЙОРКА

Осенью 1955 года мы все узнали о том, что советские журналисты во время пребывания в Соединенных Штатах Америки посетили Э. Войнич.

Перед их отъездом мы передали им адрес Э. Л. Войнич в Нью-Йорке и просили навестить ее.

Со своей стороны, Э. Л. Войнич, получив «Огонек» с первой статьей о ней, через советского сотрудника в Организации Объединенных Наций Петра Павловича Борисова пригласила советских журналистов к себе.

Ведь только теперь, из советского журнала, писательница узнала о громадной популярности романа «Овод» в России, о том, что «Овод» — одна из любимейших книг советской молодежи.

Подробности этой знаменательной встречи нам рассказали и А. Аджубей, и Н. Грибачев, и Б. Полевой, и В. Полторацкий, и А. Софронов.

«Я очень счастлива»

После долгого и нетерпеливого ожидания мы получили письмо от Э. Л. Войнич. Оно было написано 11 мая 1956 года,

почтовый штемпель Нью-Йорка датирован 12 мая, а 20 мая письмо было уже в Москве.

Тонкие и плотные листки бумаги. Начало написано по-русски:

«Извините, пожалуйста, что я так долго не ответила на ваши письма».

И дальше по-английски:

«Сегодня день моего рождения, мне исполнилось 92 года. Я очень счастлива, потому что я получила ваше поздравительное письмо и поздравительные телеграммы от коллектива сотрудников «Оговья», а также от комитета комсомола. Итак, вы видите, это был настоящий русский день рождения».

Да, тот год был весьма знаменательным для писательницы: она узнала о своей популярности в СССР, о миллионных тиражах, которыми издается ее книга, о благодарной любви миллионов читателей.

В этом же конверте было очень теплое и любезное письмо ее друга, госпожи Анны Нил, которая извещала, что посылает нам различные материалы.

Драгоценный пакет

И вот драгоценный пакет прибыл

Прежде всего это книга — ее последний роман «Сними обувь твою», вышедший в Нью-Йорке в 1945 году, с надписью автора.

Потом прекрасный фотопортрет писательницы работы Габора Эдера. Рукою Анны Нил на обороте обозначено: «Э. Л. Войнич сфотографирована 3 ноября 1944 года, вскоре после окончания романа «Сними обувь твою», и рукою самой Э. Л. Войнич по-русски: «На память» и дата — «25 апреля 1956».

Затем катушка небольшого фильма, снятого весной 1956 года. Мы увидели дом, в котором она живет, — мрачное 17-этажное здание. Увидели ее комнату. На стене — портрет итальянского юноши, с которого писательница взяла внешний облик Артура. И вот она сама, живая. Э. Л. Войнич ходила по комнате, перелистывала ноты своих музыкальных сочинений, читала «Огонек» и смотрела на нас умным пристальным взглядом. В полутьме на экране возникали перед ней кадры советского фильма «Овод», вился огонь факела...

Затем на фотопленке — копии писем С. М. Степняка-Кравчинского, копия письма самой Э. Л. Войнич, титульные листы ее книг. Простым глазом почти ничего разобрать нельзя; но, отпечатанные в увеличенном виде, они очень хорошо читаются.

Целая пачка тонкой и плотной бумаги: 20 страниц на машинке ответов на наши вопросы, коротенькие рассказы о своей жизни. После того, как мы месяцами разыскивали по одной строчке даже косвенные упоминания о ней в материалах, не всегда достоверных,—получить сразу 20 страниц от нее самой! Чтобы не было никаких сомнений, она сама завизировала каждый из 20 листочков: внизу каждой страницы представлены знакомым почерком инициалы: «E. L. V.» и дата: «25.4.56».

Три внушительные папки, скрепленные по корешку проволочной спиралью,— это ноты, ее музыкальные сочинения.

Но расскажем все по порядку, хотя бы самое важное.

«Посмотреть своими глазами»

Конечно, нас прежде всего интересовали документы об отношении Э. Л. Войнич к России.

Вот перевод страничек, написанных по нашей просьбе и озаглавленных «Э. Л. Войнич в России (1887—89)».

«Убийство Александра II в марте 1881 года, когда мне не исполнилось еще 17 лет, произвело на меня огромное впечатление. Конечно, это событие вызвало большое возбуждение в английской печати.

В следующем, 1882 году я приехала в Берлин, где провела три года (1882—1885); я была студенткой Королевской консерватории по классу фортепиано. После получения диплома я уехала из Берлина на каникулы в Шварцвальд и Люцерн, оттуда проехала в Париж, где провела несколько месяцев (около года?)...

В это время я все более серьезно стала задумываться о поездке в Россию, но окончательно решилась на это только после возвращения в Англию. Я до сих пор помню, как однажды просидела целую ночь без сна, отчаянно борясь с собой, стараясь уйти от необходимости поехать в Россию и в то же время чувствуя необходимость ехать. Нужно сказать, что перед отъездом в Берлин я получила наследство, которого хватило на расходы по моему музыкальному образованию, на каникулы и пребывание в Париже, и от этого наследства еще оставалась достаточная сумма, чтобы оплатить проезд в Россию и обратно. На жизнь в России я предполагала зарабатывать уроками.

В конце концов я решила все-таки ехать в Россию, и прежде всего мне надо было заручиться рекомендациями

к кому-либо из русских. Через Хеддонов... (дальние родственники Э. Л. Войнич.— Е. Т.), которые содержали женскую школу, я получила письмо, рекомендующее меня как учительницу английского языка и музыки госпоже Веневитиновой (Петербург)— богатой вдове и матери нескольких детей.

Я обратилась к г-же Шарлотте Вильсон, издателю «Свободы», другу и товарищу князя Петра Кропоткина, с просьбой представить меня кому-либо из русских эмигрантов в Лондоне, которые могли бы дать мне рекомендации к русским товарищам.

Я объявила ей, что я хотела проехать в Россию, чтобы посмотреть своими глазами, действительно ли условия там были так плохи, как представляли эмигранты. Она предложила познакомиться меня с Кропоткиным и Степняком.

«Если вы знаете Степняка,— сказала я,— я бы хотела задать ему несколько вопросов о его книге». Кроме того, мне было более удобно иметь рекомендацию к Степняку, потому что он в это время жил недалеко от меня, тогда как Кропоткин жил под Лондоном (я познакомилась с Кропоткиным только после моего возвращения из России).

Со Степняком мы сразу стали друзьями; он и его жена давали мне уроки русского языка. Из его первого письма ко мне (22.XII.1886) видно, что я, должно быть, встретила с ним через несколько дней после этой даты».

Прервем здесь рассказ Э. Л. Войнич и посмотрим старые письма.

Старые письма

Вот это письмо Степняка. Оно написано по-английски.

«Дорогая мисс Буль. Я очень буду рад познакомиться с вами и быть вам полезным. Ближайший четверг вполне меня устраивает. Госпожа Вильсон полагает, что во второй половине дня для вас удобнее всего, и я буду ждать вас около 4 часов пополудни.

Искренне ваш

Степняк.

P. S. Ближайшая станция — «Сент-Джон Вуд Род» — 5 минут, от Бекер-Стрит — 12 минут».

Так мы узнали, как началась знаменательная дружба молоденькой англичанки с русским революционером. А книга, о которой она хотела его спросить, была «Подпольная Россия». Эта

книга, по словам Э. Л. Войнич, произвела на нее очень сильное впечатление.

О настроении Лили Буль в те дни мы узнаем из ее письма, адресованного ее подруге Ирэнэ Гейл. Оно было написано 23 февраля 1887 года, за полтора месяца до отъезда Лили Буль в Россию. В 1945 году Ирэнэ Гейл, перечитывая старые письма, нашла его и принесла Э. Л. Войнич. Таким образом, через 58 лет оно вернулось к своему автору. Э. Л. Войнич пишет, что это письмо — единственный документ, свидетельствующий о ее настроениях тех лет.

«Лондон, 23 февраля 1887

Дорогая Ирэнэ.

Если я не ошибаюсь, вы через несколько дней уезжаете из Парижа. Когда вы приедете в Америку, сообщите мне свой адрес, — я хочу написать вам из Петербурга. Я надеюсь, что там, в вашей новой жизни, у вас все пойдет по прямой, если вы прямо возьметесь за дело.

Что касается меня, то моя новая жизнь начнется по-настоящему через несколько недель. На Пасхе, вероятно, я уже покину лондонские туманы, и физические и нравственные, и пущусь в море еще большее, чем Атлантика, и «полное глухих громоханий», как говорит Виктор Гюго. А что если будут бури?

Ну что же, до сих пор история моей сестры развивается таким образом: 13-го у нее родился ребенок, еще один мальчик. Муж сестры принял назначение в Японию и уедет, вероятно, на ближайшей неделе, а осенью Мэри с детьми присоединится к нему.

Похоже на то, что все куда-то отправляются. Конечно, так и должно быть: наш прямой долг — идти нашим отдельным путем и строить свою собственную жизнь (или исправлять ее, как в моем случае), но это очень трудно для Лулу, которая одна осталась с матерью, особенно принимая во внимание нынешнее состояние матери. Я очень хотела, чтобы Лулу поехала со мной в Россию, но, конечно, об этом не может быть и речи.

Я только что начала читать русскую поэму, которая, мне кажется, была бы интересна для вас. Она называется «Демон», и это на ее основе Рубинштейн создал свою оперу «Демон». Это по-настоящему поразительная и глубоко русская поэма.

Я не могу передать вам, с какой добротой отнеслись ко мне русские недавно. После трех лет общения с берлинцами это было подобно солнечному лучу после тумана.

Очень я огорчена вашими печальными вестями о ваших семейных делах. Разрыв с родными — это ужасная вещь. И все же иногда это единственный выход.

Надеюсь, вашей матери теперь лучше. Помните ли вы, какой безнадежностью и пессимизмом вы были проникнуты в минувшие дни?

Но теперь мне кажется, что в значительной степени все дело было в болезненном восприятии событий. В последнее время у меня было гораздо больше неприятностей, чем в те дни, но мне они не кажутся такими безнадежными, потому что я чувствую себя крепче и не боюсь.

До свидания, дитя мое, и не забывайте всегда остающуюся вашим истинным другом

Этель.

Помните ли вы ту книгу Уолта Уитмена, которую мистер Гейл подарил мне в Штутгарте? Я часто перечитываю некоторые стихотворения, и мне они все больше и больше нравятся, особенно вот это:

«Что? этот дом заколочен? хозяин куда-то исчез?

Ничего, приготовьтесь для встречи, ждите его неустанно, Он скоро вернется, вот уже идут его вестники»¹.

Я в это верю».

Э. Л. Войнич цитирует концовку стихотворения У. Уитмена «Европа», в которой идет речь о грядущей свободе, а ее слова «Я в это верю» перекликаются с другой строкой этого же стихотворения: «Свобода! пусть другие не верят в тебя, но я верю в тебя до конца!»

Вот в каком настроении собиралась она в Россию.

В примечаниях к этому письму Э. Л. Войнич рассказывает, что с Ирэнэ она познакомилась в 1883 году, а с Филиппом Гейлом, будущим мужем Ирэнэ, — в 1885 году, когда он учился музыке в Париже; впоследствии он стал известным музыкальным критиком.

Мэри и Лулу (Люси) — сестры Э. Л. Войнич.

Э. Л. Войнич пишет, что, упоминая о доброте русских, которая была для нее подобна солнечному лучу, она имела в виду Степняка.

Продолжим ее рассказ.

Э. Л. Войнич в России

«Степняк или его жена дали мне рекомендацию к ее сестре Паше (Прасковье) Карауловой в Петербурге; муж ее в это время отбывал одиночное заключение в Шлиссельбургской крепости за издание нелегальной литературы.

¹ Перевод К. И. Чуковского.

10 апреля 1887 года я была уже в Париже по пути в Петербург. Я остановилась на несколько дней в Варшаве (см. заметки о моем муже) и прибыла в Петербург, насколько я помню, во время русской пасхальной недели. Во всяком случае, это было в апреле.

Я не помню, кто встречал меня на вокзале в Петербурге, куда я прибыла, чувствуя себя очень испуганной, брошенной и тоскуя по родине. Однако вскоре после этого я устроилась на время каникул в донском имении Веневитиновых в Воронежской губернии, недалеко от Воронежа. В мои обязанности входило давать детям английские уроки и играть на пианино по вечерам, когда бывали гости. О детях Веневитинова я помню главным образом, что крестным отцом одного из них был царь и что мы терпеть не могли друг друга. Я подружилась с одной старушкой, служанкой в доме, с которой я могла беседовать, так как она немного говорила по-немецки, а мое знание разговорного русского языка в то время было еще невелико.

На обратном пути в Петербург, помню, ехала я одна в простой телеге. Я останавливалась в помещицком доме, расположенном недалеко от Костромы, приблизительно в 50 милях от Волги. Я была приглашена туда смотреть солнечное затмение, которое произошло 19 августа 1887 года. Увы, в этот день шел дождь.

Тогда же я совершила поездку на пароходе по Волге от Твери (кажется) до Нижнего Новгорода. В Нижнем Новгороде кто-то — имен я не помню — наняли для меня комнату в гостинице и проводили меня на знаменитую ярмарку. Интерес, который я всю жизнь питаю к славянским народным песням, начался с этого путешествия по Волге. По дороге в Петербург я остановилась приблизительно на две недели в Москве, но мало видела город, так как почти все это время была больна.

Вернувшись в Петербург, я поселилась вместе с Пашей Карауловой и ее маленьким сыном Сережей в районе Песков. Следующее лето Паша, ребенок и я провели в доме родителей Василия Караулова в Псковской губернии, недалеко от Великих Лук, которые в те дни были сонным захолустным городишком, в ста милях от ближайшей железной дороги. (Семейство Карауловых описано в моем романе «Оливия Летэм».)

Таковы были мои путешествия по России, куда я больше не возвращалась¹.

¹ После моего замужества я ездила в Лемберг (так в то время назывался Львов.— Е. Т.), Варшаву и Краков навестить мать моего мужа (его отец умер рано) и деревушку Войнич в отрогах Карпатских гор, которая когда-то принадлежала предкам моего мужа; сам он родился в Ковно (примечание Э. Л. Войнич).

Когда муж Карауловой был сослан в Сибирь (его я вообще никогда не видала: он был в тюрьме все время, что я жила в России), я проводила Караулова с сыном в Сибирь; после того как отправился поезд с арестантским вагоном, я немедленно уехала из Петербурга в Англию. Это было в июне или июле 1889 года.

Что касается моей жизни в России, то многое из того, что я видела, слышала и испытала там, описано в «Оливии Летэм». Остается прибавить, что мне все же удалось зарабатывать на жизнь, давая уроки в Петербурге. Например, я смутно припоминаю, что давала уроки разговорного английского языка армянскому коммерсанту, уроки музыки маленькой дочке врача, и уроки английской литературы одной жене генерала.

Сережа, его бабушка и другие заметки

У меня до сих пор сохранилась фотография маленького Сережи (сына Василия и Пашы Карауловых) и его бабушки. Это была мать Василия, шведка по происхождению. В какой-то степени она послужила прототипом образа тети Сони в «Оливии Летэм», а Костя срисован отчасти с Сережи.

В шестой главе первой части этого романа Владимир рассказывает детям сказку о Зеленой гусенице и стране Завтра. Эту сказку однажды рассказывал при мне Сереже и своим детям Николай Караулов.

Сережа называл меня по-своему: «Ляля». Иногда я брала его с собой в тюрьму на Шпалерной, куда его отец был переведен после четырех лет Шлиссельбургской крепости. Здоровье Василия было сильно подорвано, и он не мог есть тюремную пищу. В это время я давала уроки английской литературы жене одного генерала. Я рассказала ей о положении Василия (возможно, она была тайно сочувствующей), и она предложила, что ее повар будет готовить подходящую пищу, а я буду каждый день относить ее в тюрьму. Иногда мне приходилось ждать часа по два, пока надзиратель освободится и возьмет у меня передачу. (Заклоченного я никогда не видала.)

Сережа был очень привлекательный ребенок с копной кудрявых белокурых волос. Чужие охотно заговаривали с ним, а он всегда непринужденно разговаривал со всеми. Однажды, когда мы вместе с ним ехали в тюрьму на конке, какая-то женщина спросила его, не мать ли я ему. «Нет,— сказал он,— это Ляля, а мама больна». Потом его спросили про отца, и он ответил, что отец «в клетке». Напротив нас сидели два жандармских офицера, и я почувствовала себя не очень удобно.

Так как я получила разрешение носить Василию Караулову передачи ежедневно, и была единственным посетителем, которого допускали в так называемые «уголовные» дни, то мне приходилось видеть и слышать многое. В особенности, я помню, там была одна старуха, содержательница публичного дома, которая очень хотела меня завербовать, но славный старый надзиратель, который часто беседовал со мной, тотчас же предостерег меня.

Многое из того, что я видела и слышала в тюремной приемной, описано в «Оливии Летэм».

Что касается этой жены генерала, я навсегда осталась ей благодарна. У меня до сих пор сохранился подписанный ею экземпляр знаменитой грибоедовской комедии «Горе от ума», который она мне подарила, и я до сих пор восхищаюсь этой справедливо прославленной комедией».

Из этого рассказа мы наконец узнали, как и зачем Э. Л. Войнич ездила в Россию. Убийство Александра II, совершенное народолюбцами 1 марта 1881 года, действительно всколыхнуло общественное мнение всего мира. Однако рассказы русских эмигрантов о тяжком положении русского народа многим казались преувеличенными. В то время не одна Лили Буль сомневалась в этих рассказах.

Известный американский журналист Дж. Кеннан в предисловии к своей книге «Сибирь и ссылка», в которой он описывал свое путешествие по Сибири в 1885—1886 годах, пишет о мотивах, заставивших его поехать туда: «...Я думал, что писатели вроде Степняка и князя Кропоткина рисуют русскую ссылку в сильно извращенном виде; что Сибирь вовсе не так страшна...» После своей поездки он убедился, что действительность была гораздо страшнее, чем ее описывали русские эмигранты.

Лили Буль не была в Сибири, но того, что она видела в Петербурге и в других русских городах и селах, было достаточно...

Имя родителей Карауловых, где Лили Буль провела лето 1888 года, находилось в селе Успенском, Торопецкого уезда, Псковской губернии. Брат Василия Караулова — Николай Андреевич (1857—1889), народовец, после заключения в Петропавловской крепости был сослан в Успенское под гласный надзор полиции. Умер он через три месяца после отъезда Лили Буль из России, в августе 1889 года.

Лили Буль уехала с Сашей в Англию 12 мая (24 мая по нов. ст.) 1889 года. В Лондон они прибыли, как мы знаем, 4 июня. (Таким образом, теперь уже ясно, что И. И. Попов никогда не

видал Лили Буль и просто выдумал свои «воспоминания» о ней.)

Что касается богатой вдовы, в имени которой учительствовала летом 1887 года Лили Буль, — это была Эмилия Ивановна Веневитинова. Ее муж В. А. Веневитинов, племянник поэта Д. В. Веневитинова, был церемониймейстером императорского двора. Умер он в 1885 году, оставив семерых детей — двух сыновей и пятерых дочерей. Очевидно, молодая англичанка, интересующаяся социальными проблемами, и избалованные дети одного из царских сановников не могли найти общего языка. Недаром Э. Л. Войнич так красноречиво и кратко сообщает: «Мы терпеть не могли друг друга».

О солнечном затмении 7(19) августа 1887 года, о котором упоминает Э. Л. Войнич, писали В. Г. Короленко и А. П. Чехов.

Щедрин и его похороны

На отдельном листочке Э. Л. Войнич рассказывает об одном из эпизодов ее пребывания в России.

«Я присутствовала на похоронах Щедрина, чьим творчеством я всегда восхищалась. Это была единственная политическая демонстрация в России, в которой я принимала участие.

Полиция старалась предотвратить демонстрацию, которую организовали студенты, преклонявшиеся перед Щедриным, и всем, кто был похож на студента или нес цветы, полицейские говорили, что похоронная процессия движется совсем не по тому пути, по которому она шла на самом деле. Я была среди тех, кто пошел к самому дому Щедрина, и поэтому попала на правильную дорогу.

По пути к кладбищу, так как я была далеко от гроба, один из шедших впереди меня взял мои цветы, букетик примул, прошептал: «Дайте их мне». Эти цветы затем переходили из рук в руки со многими другими цветами, пока не достигли гроба, на который их и положили.

Когда мы прибыли на кладбище, один писатель, имени которого я не запомнила, громко прочитал у гроба сказку Щедрина «Пропала совесть». Его тут же арестовали. Я стояла возле самого гроба и видела, как это произошло.

Похороны Щедрина произвели исключительное впечатление благодаря тому, что его участники твердо решили не дать сорвать демонстрацию.

В «Оливии Летэм» я использовала рассказ о торжествующей свинье из «За рубежом» Щедрина. Мне всегда хотелось

перевести его замечательную «Историю одного города», но у меня как-то никогда не хватало для этого времени».

М. Е. Салтыков-Щедрин умер 10 мая (28 апреля) 1889 года. Хоронили его на литературных мостках Волкова кладбища, возле могилы И. С. Тургенева. Э. Л. Войнич верно передает настроения тогдашней молодежи. Пользуясь указаниями С. А. Макашина, можем только уточнить, что задержан на похоронах был не писатель, а студент С. А. Захарьин, прочитавший стихотворение, посвященное памяти Щедрина. А о сказке «Пропала совесть» упомянул другой из выступавших — публицист К. К. Арсеньев.

Добавим, что Э. Л. Войнич перевела на английский язык несколько произведений М. Е. Салтыкова-Щедрина: «Орел-меченат», «Самоотверженный заяц», отрывок из «Помпадуров и помпадурш», а также полюбившуюся ей с тех пор сказку «Пропала совесть». Следы этой сказки обнаруживаются и в «Оливии Летэм».

«Вы должны попробовать свои силы»

Вернувшись из России, Лили Буль чувствовала себя совсем разбитой и больной и вместе с сестрами Алисой и Мэгги уехала за город. «В течение всей моей жизни при всех трудностях и горестях я всегда обращалась к природе за помощью и утешением», — пишет Э. Л. Войнич.

Сестры поселились в простой деревенской гостинице в Кэмберленде, куда их пригласил старый друг семьи Буль, один из владельцев соляных заводов в Чешире, Джон Фальк. Он нередко давал Лили Буль деньги для русских политических эмигрантов, которые испытывали материальные затруднения. Один из его чеков Лили послала Степняку, сильно нуждавшемуся в то время. Она часто писала ему тогда. У нее сохранилось одно письмо Степняка, полученное в те дни. Степняк писал ей уже по-русски, и не «Дорогая мисс Буль», а «Милая Лили».

Когда советские журналисты были у Э. Л. Войнич в гостях, она им показывала это письмо, и они выписали из него несколько строк. Теперь мы получили его фотокопию и можем прочесть его целиком. Оно было написано 22 августа 1889 года.

«13 Grove Gardens N. W.

22 Aug. 1889

Милая Лили.

Получил сегодня Ваш чек, за который благодарен Вам чрез-

вычайно. Передайте мою благодарность м-ру Фальку тоже. Пришло все как раз во-время.

Ах, Лили, если б Вы знали, как мне Ваши описания природы нравятся. Положительно Вы должны попробовать свои силы на писательстве. Кто может двумя-тремя строчками, иногда — словами схватить и передать характер природы, тот должен уметь, или по крайней мере может уметь, схватывать так же рельефно и вразумительно характер человека и явления жизни — если только он достаточно долго и внимательно наблюдал их (что несравненно труднее, конечно, чем наблюдение природы). Об этом мы поговорим, когда приедете. Что же до той местности, которую Вы специально описываете, то у меня явилось желание, когда я буду писать свой третий роман (теперь пишу второй, маленький), съездить туда и пожить неделю, другую. Первая сцена этого романа открывается в Англии, и я думаю взять именно этот уголок — если Вы позволите воспользоваться Вашим открытием.

Спешу окончить, чтоб успеть сегодня отправить. Кланяюсь Люси.

Ваш Сергей.

Саша кланяется. Лиев был и тоже кланяется паки. Когда приедете, я расскажу Вам, как он про Люси говорил. Вообще мне кажется, что ей для излечения от ее болезненной скромности полезно было бы бывать чаще с русскими — пока хотя бы теми, что в Лондоне. А если это не поможет, так прописать ей поездку в Россию.

До свидания еще раз. С.».

К этому письму Степняка Э. Л. Войнич написала подробные примечания. Прежде всего ей кажется, что похвалы ее описаниям природы сильно преувеличены и вызваны просто тем, что Степняк хотел подбодрить ее в период тяжелого нервного потрясения, которое она испытывала, вернувшись из России.

Затем она рассказывает о Джоне Фальке, о том, как он помог Прасковье Карауловой, когда та с ребенком очутилась в Сибири, последовав за мужем в ссылку. Она была врачом и, чтоб прокормить себя и ребенка и помочь мужу, хотела работать, но у нее не было никаких медицинских и хирургических инструментов и не было средств приобрести их. Джон Фальк послал ей полный набор необходимых инструментов.

Саша — это уже знакомая нам сестра жены Степняка.

И письмо Степняка и примечания Э. Л. Войнич к нему необычайно интересны. Конечно, его похвалы не были пустыми

комплиментами. Мы знаем, что он не ошибся. Э. Л. Войнич действительно умеет схватить и передать характер человека двумя-тремя словами.

В этом письме мы имеем одно из немногих известных нам высказываний Степняка о своем творчестве и о писательском мастерстве. Слова о необходимости внимательных и долгих наблюдений как непременном условии верного изображения событий и характеров подчеркнуты им самим. Второй, «маленький», роман, о котором он упоминает, — это «Домик на Волге» (первый — «Андрей Кожухов»). Что касается третьего романа, действие которого начинается в Англии, он нам неизвестен, очевидно, Степняк не успел его написать.

Из примечаний Э. Л. Войнич особенно интересен ее рассказ о Линевах. Она пишет:

«Линев. Русский эмигрант, тогда холостяк, с которым я очень подружилась после моего возвращения из России. В Англии он женился на русской певице, исполнительнице народных песен. После женитьбы они вернулись в Россию, где она приобрела большую известность своими концертами и изданиями народных песен. Однажды я пела в хоре, с которым она выступала в Лондоне. Хотя я всегда любила народные песни, особенно я заинтересовалась ими во время поездки по Волге и после знакомства с женой Линева».

Друг Степняка, Александр Логинович Линев, русский революционер-народник, был лично знаком с Марксом. Он был крупным инженером, изобретателем. Вернувшись на родину после вынужденной эмиграции, А. Л. Линев был одним из строителей трамвая в Москве.

Евгения Эдуардовна Паприц (1853—1919), ставшая его женой, была незаурядным человеком. Одаренная певица, она с успехом выступала в Вене, Париже, Будапеште. Но, помимо этого, она принимала деятельное участие в нелегальном московском «Обществе переводчиков и издателей» (1882—1884), выпустившем на русском языке несколько произведений Маркса и Энгельса. Сохранилась ее переписка с Энгельсом. В годы эмиграции мужа (1890—1896) она была с ним за границей и использовала это время для пропаганды русской музыки. Она организовала хор и давала концерты в Англии и Америке, которые пользовались огромным успехом. Вернувшись в Россию, Е. Э. Линева посвятила себя собиранию и пропаганде русской народной песни. В. В. Стасов высоко ценил ее работу. Воспоминания современников рисуют нам чрезвычайно привлекательный образ Е. Э. Линева.

(Читатели могут найти о ней много интересного в книге Е. Канн-Новиковой «Евгения Линева». М. 1952.)

Встреча с Михаилом Войничем

Вот что рассказывает писательница о встрече с человеком, который стал ее мужем.

«Бежав из Сибири в 1890 году, он наконец достиг Гамбурга, не имея никаких средств. В это время между Германией и царским правительством был договор о выдаче преступников. Поэтому Войнич скрывался в доках, прячась в штабелях досок. Питался он лишь скудными крохами, которые ему удавалось достать, ожидая, пока одно небольшое судно, груженное фруктами, будет готово отплыть в Лондон. Продав все, что у него еще оставалось, включая жилет и очки, он едва набрал денег, чтобы оплатить билет третьего класса, купить селедку и немного хлеба.

После долгого и бурного плавания, во время которого судно было отнесено к скандинавскому берегу и потеряло свой груз, он наконец прибыл в лондонские доки без копейки денег, кишачий паразитами, полуодетый, голодный.

Это было вечером 5 октября 1890 года.

Не зная английского языка, он шел по Торговой улице, протягивая прохожим клочок бумаги с единственным лондонским адресом, который у него был, — адресом Степняка. Наконец к нему подошел студент-еврей, который подрабатывал на табачной фабрике в трущобе, где ютились иностранцы, неподалеку от доков, и спросил по-русски: «Вы имеете вид политического. Вы из Сибири?»

Этот студент и проводил его к дому Степняка.

Как раз в этот вечер Степняк ожидал другого эмигранта, и его жена, сестра жены, я и (кажется) Феликс Волховский — все были там, когда прибыл незнакомец из доков.

— Вот еще один! — сказал Степняк, объясняя нам, что это не тот эмигрант, которого мы ждали.

Позднее, вечером, когда Войнич помылся и переоделся в чистое, чужое и нескладно сидевшее на нем платье, он обернулся ко мне и спросил по-русски:

— Не мог ли я видеть вас раньше? Вы не были в Варшаве на Пасху в 1887 году?

— Да, — ответила я. — Я направлялась в Петербург.

— Вы стояли в сквере и глядели на цитадель?

Когда я снова ответила «да», он сказал мне, что он был узником этой самой цитадели, и в тот день он оттуда видел меня. Вскоре после этого его отправили в сибирскую ссылку».

К этому драматическому рассказу можно добавить, что Войнич очень подружился с Лили Буль и в 1892 году они поженились.

В Лондоне Михаил Вильфрид Войнич стал ближайшим сотрудником Степняка, вместе с ним был одним из организаторов «Фонда Вольной Русской Прессы». О дальнейшем его жизненном пути нам известно очень мало; мы знаем только, что он занимался розысками и торговлей старинными книгами.

«...И композитор»

В английском справочнике «Кто есть кто?» об Э. Л. Войнич указывается, что она «романист и композитор» и что она сочинила много песен. До сих пор мы ничего не знали о ее музыкальном творчестве.

По совету Анны Нил писательница прислала нам несколько своих музыкальных произведений.

Прежде всего привлекает внимание кантата на слова русского поэта М. А. Дмитриева «Подводный город» (Э. Л. Войнич ошибочно приписала это стихотворение поэту А. С. Хомякову). В начале стихотворения описывается стонущее море. На вопрос мальчика, почему море так стонет, старый рыбак отвечает, что здесь когда-то был богатый город, но воды затопили его

Все за то, что прочих братий
Брат богатый позабыл.
Ни молитв их, ни проклятий
Он не слушал — ел да пил.

Э. Л. Войнич перевела это стихотворение на английский язык с соблюдением размера оригинала, так что кантату можно исполнять и на английском и на русском языках.

Э. Л. Войнич сообщает, что впервые она прочитала это стихотворение очень давно, перевела и положила его на музыку много лет спустя. П. П. Борисов рассказывает, что она помнит это стихотворение до сих пор наизусть и не раз читала его вслух по-русски.

Наибольшей по объему является оратория «Вавилон», написанная для смешанного хора и оркестра. Эту ораторию Э. Л. Войнич посвятила свержению самодержавия в России.

Третье из присланных музыкальных произведений Э. Л. Войнич — кантата на слова средневекового французского поэта Франсуа Вийона «Эпитафия в форме баллады». Эта «Эпитафия» была написана поэтом в ожидании казни, к которой были приговорены он и его пятеро товарищей. В последнюю минуту поэт был помилован.

Одна пометка на титульном листе партитуры привлекла наше внимание: «Памяти Роджера Дэвида Кэзмента, Брикстонская тюрьма, Лондон, 3 августа 1916».

Р. Д. Кэзмент — один из деятелей национально-освободительного движения в Ирландии. Дублинское восстание 1916 года было подавлено англичанами с неслыханной жестокостью. Все его руководители были казнены. Р. Д. Кэзмент был повешен 3 августа 1916 года. Э. Л. Войнич пишет:

«Первый набросок кантаты был сделан тогда же, сразу, под впечатлением казней, потом я неоднократно возвращалась к ней, перерабатывала и закончила ее в 1948 году».

Какая целеустремленность, какое единство всего творчества! В литературных произведениях — изображение освободительной борьбы в Италии, России, Польше. В музыкальных — воспеание освободительной борьбы в Ирландии и России.

И если ее друг Степняк шестьдесят с лишним лет тому назад написал молоденькой девушке, просившей его автограф для своего альбома: «Оставайся верной самой себе, и ты никогда не будешь знать угрызений совести, которые составляют единственное действительное несчастье в жизни», — то теперь Э. Л. Войнич в приветствии советской молодежи пишет о том же самом: «Будьте верны мечтам своей юности».

Именно потому, что она создала образ героя, верного своим убеждениям, именно потому, что всем своим творчеством она говорит о самом важном и дорогом, — для нас дороги и важны все детали ее жизни, о которой мы знали раньше так мало и теперь узнали так много благодаря пакету из Нью-Йорка.

А впереди — новые поиски в советских, английских, польских архивах, новые исследования, новые письма от самой Э. Л. Войнич...

СОДЕРЖАНИЕ

«Кто есть кто?»	3
«Своя англичаночка»	7
Как «Овод» появился в России	16
Зачем Э. Л. Войнич приезжала во Львов	20
Пакет из Нью-Йорка	32

Евгения Александровна Таратута
НАШ ДРУГ ЭТЕЛЬ ЛИЛИАН ВОЙНИЧ

Редактор — Н. СЕКУНДОВ

А 10007. Подписано к печати 22/X 1957 г. Тираж 150 000. Изд. № 1299.

Заказ № 2176. Формат бумаги 70×108^{1/2}. 0,75 бум. л.—2,05 печ. л.
Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина
Москва, ул. «Правды», 24.

Beinecke
Library
1997
446

YALE UNIVERSITY
LIBRARY

Gift of

HANS P. KRAUS

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1958 год

на журналы издательства «Правда»:

АГИТАТОР.

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ.

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ КПСС.

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ.

ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ.

В ПОМОЩЬ ПОЛИТИЧЕСКОМУ

САМООБРАЗОВАНИЮ.

ЗНАМЯ.

КОММУНИСТ.

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ.

НАУКА И ЖИЗНЬ.

ОКТЯБРЬ.

ПАРТИЙНАЯ ЖИЗНЬ.

СОВЕТСКАЯ ПЕЧАТЬ.

Подписка принимается в городских и районных отделах «Союзпечати», конторах, отделениях и агентствах связи, а также общественными уполномоченными на пунктах подписки предприятий, на стройках, в колхозах, совхозах, МТС, учебных заведениях и учреждениях.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»